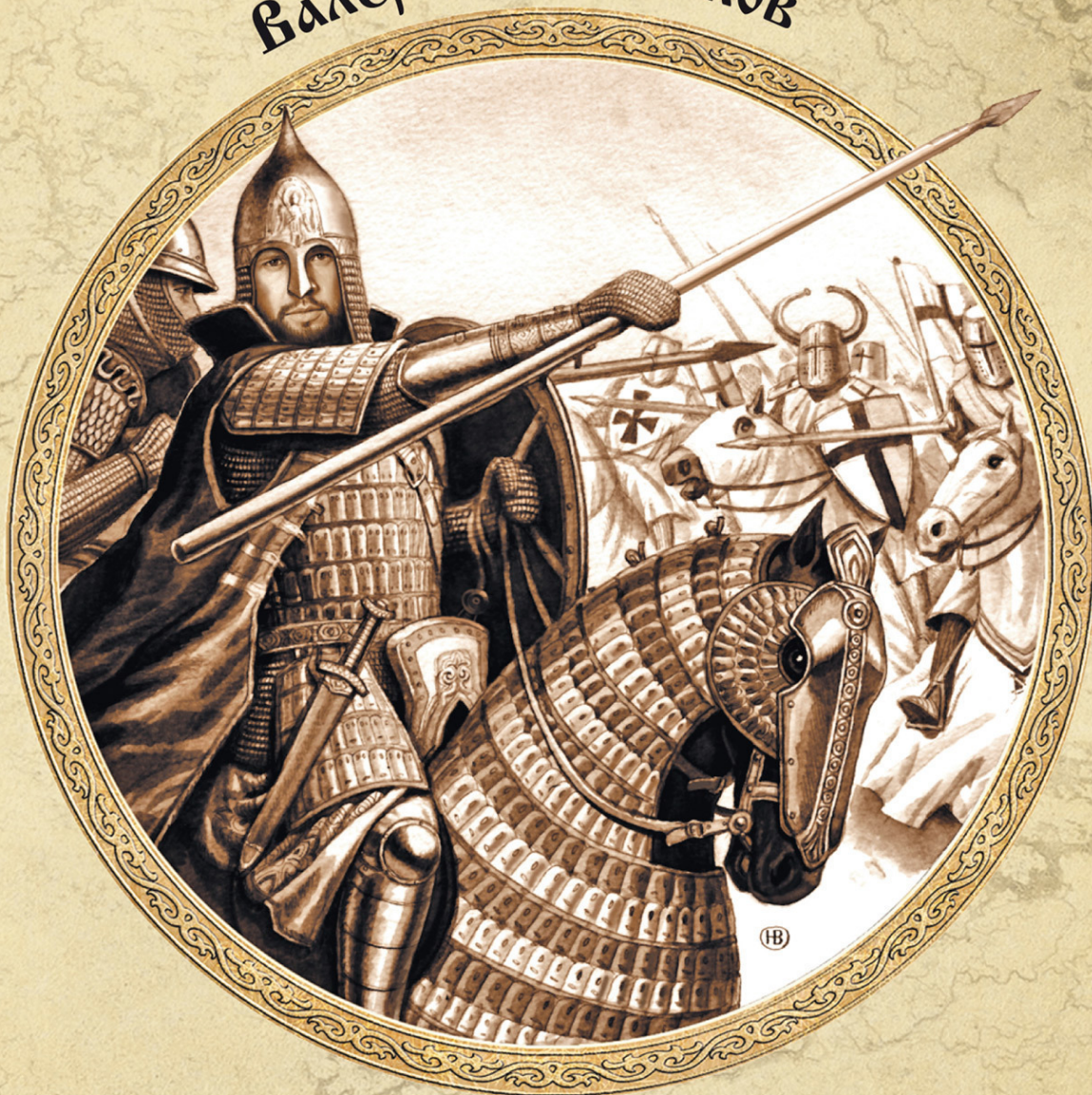

Ү истоков Рҫси

Валерий Замыслов

Святая Рҫсь

ПОЛКОВОДЕЦ
ДМИТРИЙ

У истоков Руси

Валерий Замыслов

Святая Русь. Полководец Дмитрий

«ВЕЧЕ»

2002

Замыслов В. А.

Святая Русь. Полководец Дмитрий / В. А. Замыслов — «ВЕЧЕ»,
2002 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8366-0

Сын Александра Невского Дмитрий в полной мере унаследовал отцовский полководческий талант и по праву признан одним из лучших полководцев Европы своего времени. Все слышали о знаменитой битве на Чудском озере, именуемой «Ледовое побоище», но не все знают, как четверть века спустя сыну Александра Невского пришлось вновь отстаивать покой русских рубежей в сражении с ливонскими рыцарями. Это событие запомнилось потомкам как Раковорская битва. Сеча была не менее жестокой и стала для рыцарей таким же великим позором, как и предыдущее поражение. Раковорской битве и великому полководцу, переяславскому князю Дмитрию Александровичу, посвящена заключительная книга исторической трилогии известного писателя Валерия Замыслова «Святая Русь».

ISBN 978-5-4484-8366-0

© Замыслов В. А., 2002

© ВЕЧЕ, 2002

Содержание

Предисловие автора	6
Часть первая	11
Глава 1. Князь Андрей	11
Глава 2. Раздоры – гибель Руси	13
Глава 3. Новгородцы	15
Глава 4. Трусость князя Ярослава	18
Глава 5. Миндовг и Довмонт	20
Глава 6. Красен град Переяславль	23
Глава 7. Тесть, зять и внуки	26
Глава 8. Палашка	31
Глава 9. Мелентий Коврига	36
Глава 10. Марийка и боярин	39
Глава 11. Год 1266	44
Глава 12. Господин Великий Новгород	46
Глава 13. Хан Менгу-Тимур	51
Глава 14. И след простыл!	55
Глава 15. Тревожная весть	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валерий Алексеевич Замыслов

Святая Русь

Полководец Дмитрий

Чтобы понять тайну русского народа, его величие, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое, нашу историю, коренные узлы её, трагические и творческие эпохи, в которых завязывался русский характер.

Алексей Толстой

Предисловие автора

Тысячу лет назад русский, эстонский и латвийский народы совместно начинали свой исторический путь.

Восточная Прибалтика издавна была населена племенами, принадлежавшими к двум различным семействам – финскому и литовскому. Всю северную и среднюю полосу её занимали народы финской группы, известные у западноевропейских писателей под именем эстов (восточных). Южную полосу Прибалтийского края заселяли племена литво-латышские: семигалы, селы, летты и леттгаллы, жившие по среднему течению Западной Двины.

Благодаря тесному соприкосновению финских и литво-латышских племён ещё в глубокой древности возникли народности смешанной крови: это были куроны, занимавшие Куронский полуостров, и ливы, обитавшие по нижнему течению Западной Двины и берегам Рижского залива. В результате слияния всех этих племён образовался современный латвийский народ, причем основное ядро его составляли летты (латыши).

По имени ливов, с которыми раньше, чем с другими прибалтийскими племенами, познакомились европейцы, восточная Прибалтика в Средние века носила название Ливония.

К востоку от территории, занятой прибалтийскими народами, жили восточные славяне: кривичи полоцкие были соседями литво-латышских племён, новгородские славяне – эстов (чуди).

В силу территориальной близости между прибалтийскими народами и восточными славянами издавна существовали торговые и политические сношения. Благодаря своему географическому положению народы Прибалтики и восточные славяне рано оказались втянутыми в торговые связи, существовавшие в VIII–XII веках между северо-западом Европы и странами Арабского Востока и Византией. Из Скандинавии в богатые арабские страны, славившиеся своими шелками, искусно выделанными клинками и прочим оружием, шел путь по Финскому заливу, Неве, Волхову, Мсте и далее по Волге и Каспийскому морю. В Византию вёл путь «из варяг в греки», который начинался в Финском заливе и затем шел по Неве, Волхову, Ловати, Днепру в Чёрное море. Другое ответвление пути «из варяг в греки» проходило из Рижского залива по Западной Двине и далее по Днепру и Чёрному морю. По этим путям, в поисках легкой наживы и выгодной службы, устремлялись на восток дружины варягов – скандинавов, смелых искателей приключений, соединявших в своём лице воинов, купцов и пиратов.

Скандинавские саги (сказания) повествуют о походах скандинавов в Восточную Прибалтику и славянские земли, о богатой дани, собранной там с местного населения. В половине IX века чудь, новгородские славяне и кривичи были покорены варягами. Но народы Восточной Европы не долго терпели иноземное иго. Новгородские славяне и кривичи соединились с чудью, изгнали варягов за море, а затем (так рассказывает летопись) решили призвать для наведения порядка и защиты от внешних нападений варяжского князя Рюрика с братьями.

В IX–X веках у восточных славян начинают складываться феодальные отношения. Образуются первые княжества. В конце IX века Олег, княживший в Новгороде, спускается со своими воинами из Новгорода вниз по Днепру, завоевывает Киев и кладёт таким образом начало Киевскому государству. В походе Олега, помимо варягов и славян, участвовала и чудь (эсты). Утвердившись в Киеве, Олег в 907 году организовал грандиозный поход на Византию, завершившийся славной победой русского оружия и поражением Византийской империи. И на этот раз в войске Олега наряду со славянами находилась чудь.

После присоединения Полоцка к Киевскому государству влияние русских распространилось на всё течение Западной Двины вплоть до берегов Рижского залива.

Во времена князя Владимира Эстония также была подвластна киевскому князю. Эсты участвовали в походах Владимира. Его преемник – князь Ярослав Мудрый – сделал попытку

закрепить русское влияние в Эстонии и создать там центр осёдлой русской власти. В 1030 году Ярослав основал на берегу реки Эмбах новый город, который по своему христианскому имени – Юрий – назвал Юрьевом. В княжение Ярослава (1019–1054 годы), широко раздвинувшего границы империи Рюриковичей, влияние русских в Прибалтике достигло наибольшего распространения. В перечне данников Руси летописец называет из прибалтийских племён чудь, литву, зимеголу, корсь, либь.

После смерти Ярослава начинается новый период русской истории, период феодальных смут и усобиц. Империя Рюриковичей распадается на отдельные феодальные княжества. Эти княжества дробятся на ещё более мелкие. Между князьями происходит кровавая междоусобная борьба. Меркнет «дедовская слава», как печально говорит автор «Слова о полку Игореве», князей, собиравших Русскую землю. Со всех сторон «с победами» приходят «поганые»: с запада – литовцы, с востока – половцы. В этих условиях русское влияние в Прибалтике ослабляется, но судьбы двинских ливов и латышей по-прежнему остаются тесно связанными с Полоцким княжеством, а судьбы эстов – с Новгородом.

Герцике и Кукенойс, укрепления, основанные русскими при первом проникновении их в Ливонию, к началу XIII века превратились в центры небольших княжеств, которыми правили князья, принадлежавшие к полоцкому княжескому дому. Герцике был крупным и богатым городом, имел несколько церквей, земли княжества занимали территорию по среднему течению Западной Двины. В начале XIII века в Герцике сидел русский князь Всеволод, женатый на дочери литовского князя Даугерута.

Вторым княжеством Кукенойс, расположенным по нижнему течению Западной Двины, управлял энергичный, храбрый князь Вячко, впоследствии прославившийся своей упорной борьбой против немцев.

Полоцкий князь Владимир выступал как верховный правитель всех земель, простиравшихся от Полоцка по Двине до берегов Рижского залива. Приступив к завоеванию Ливонии в начале XIII века, крестоносцы вынуждены были столкнуться с полоцкими князьями, как с давними правителями края.

В 1179 году князь Мстислав Ростиславич с 20-тысячным войском новгородцев и псковичей прошел всю Эстонию вплоть до моря. Но Новгороду не удалось закрепить своего влияния в Эстонии так прочно, как это сделали полоцкие князья в землях латышей и ливов. Раздираемый внутренними смутами, противоречиями между различными партиями, борьбой против своих князей, Новгород не в состоянии был проявлять достаточно настойчивости и энергии для утверждения своей власти в Эстонии. Зависимость эстонских племён от Новгорода не носила постоянного характера.

Зависимость прибалтийских племён от русских княжеств не была тяжелой. Она выражалась в уплате дани, которая вносилась как натурой, так и деньгами. Натуральную часть дани составляли главным образом меха, денежную – слитки серебра и монеты (арабские и западноевропейские).

Верховная власть русских князей над прибалтийскими племенами не нарушала общественной и политической жизни этих племён. Русские князья предоставляли своим прибалтийским подданным полную свободу в вопросах как внутреннего управления, так и внешнеполитических отношений. Эсты, ливы и латыши судились своими старейшинами на основе старинных обычаев; старейшины и вожди по своему усмотрению, считаясь лишь с волей соплеменников, вели войны и заключали договоры. Полной свободой пользовались прибалтийские племена и в вопросах вероисповедания. Оставаясь языческим, население Ливонии¹ поклонялось своим древним богам, олицетворяющим силы природы. Правда, благодаря тесному

---

¹ *Ливония* – далее в романе это географическое наименование означает всю территорию современной Латвии и Эстонии со второй четверти XIII века, завоёванную немецкими рыцарями.

общению с русскими христианство в его православной форме в какой-то степени проникало к прибалтийским народам. Но никакие попытки не только насильственного, но даже активного распространения христианства среди прибалтийских племён со стороны русских, по-видимому, не имели места². Генрих Латвийский, католический священник, свидетель и участник немецкого завоевания Прибалтики, описавший его в своей «Хронике Ливонии», с удивлением отмечает, что русские князья, покоря какой-нибудь народ, не заботятся об обращении его в христианскую веру. Эти слова политического противника русских ярко подчёркивают характерные черты русской власти, оставившей в неприкосновенности как общественный строй прибалтийских племён, так и старую языческую религию и весь освящённый веками уклад жизни. Именно этими особенностями власти русских князей объясняется тот факт, что в борьбе, развернувшейся в начале XIII века, симпатии населения Прибалтики оказались на стороне русских, и немецким завоевателям пришлось столкнуться с союзом русского и прибалтийского народов.

* * *

Северо-немецкие купцы привезли в Германию вести о богатствах прибалтийских земель, о заселяющих их языческих племенах, которые следует обратить в христианскую веру и подчинить немецкому господству. И как обычно в те века, по дороге, проложенной немецким купцом, двинулся немецкий священник, а за ним и немецкий рыцарь, чтобы крестом и мечом утвердить своё владычество во вновь открытой стране.

Большой поход крестоносцев был организован в 1198 году. Во главе его стоял епископ Ливонии Бертольд. В происшедшей битве он был убит. Потеряв вождя, крестоносцы пришли в ожесточение и стали опустошать ливские земли. Ливы вынуждены были смириться и обещали принять христианство. Но как только крестоносцы на кораблях отплыли от берегов Ливонии, ливы стали толпами заходить в Двину и обливаться водой, говоря: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и самое христианство. Принятую веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам³».

Немцы убедились, что при помощи прибывающих на время из Германии ополчений крестоносцев покорить Ливонию нельзя. В 1202 году с благословения папы римского в Ливонии был создан специальный рыцарский орден. Члены его носили белые плащи, на которых были нашиты красные кресты и мечи, поэтому орден получил название «меченосцев». Войско их было отлично вооружено. Рыцарь, с головы до ног закованный в стальную броню, сидящий на сильном коне, тоже защищённом доспехами, с длинным копьём и мечом, был своеобразной «движущейся крепостью» – поразить его было нелегко. Удар сомкнутого строя рыцарской конницы был сокрушительным. Рыцари ордена, как правило, выстраивались для боя в глубокую колонну – клин, напоминавший по форме трапецию. Русские летописцы называли такой строй «свиньей». Клин врезался в боевые порядки противника, разрезал его на части как таран. В голове строя помещались лучшие, тяжеловооруженные рыцари, по сторонам и в основании клина – «полубратья», а в середине – пешие воины, обычно набиравшиеся из завоёванных народов.

Орден меченосцев носил аристократический характер. Члены его распались на три класса. Первый – братьев-рыцарей, второй – братьев-священников, третий – служащих братьев. Каждый вступающий в число братьев-рыцарей клятвой должен был заверить своё рыцарское происхождение. Для братьев-священников, к которым относились священники и чиновники ордена, рыцарское происхождение было необязательно, но допустимо. К классу

---

² Исключение составляют факты, относящиеся уже к периоду борьбы с немецким завоеванием Прибалтики.

³ Саксы – древнее германское племя, населявшее Северо-Западную Европу и Британию.

служащих братьев (оруженосцы, ремесленники и всякого рода обслуживающий персонал) потомки рыцарского рода принадлежать не могли, но всякий желающий вступить в этот класс должен был заявить под присягой, что он никогда не был слугой или рабом. Во главе ордена стоял начальник-магистр, которому рыцари были обязаны беспрекословно повиноваться. При вступлении в орден рыцарь давал четыре обета: послушания, целомудрия, бедности и посвящения всей жизни делу обращения язычников. По своей идее орден представлял замкнутую духовно-рыцарскую организацию, члены которой, отказавшиеся от всех земных благ, должны были нести свет христианской веры языческим народам. В действительности дело обстояло иначе. История ордена изобилует описаниями внутренних раздоров, насилий над женщинами и грабежа мирного населения. Только последний обет рыцари соблюдали свято: кровь обращённых язычников лилась рекой.

Еще до создания ордена меченосцев Альберт, третий епископ Ливонии, дальновидный политик и ловкий дипломат, построил в 1201 году в устье Западной Двины укрепленный город Ригу, которая должна была стать крупным торговым портом, притягательным центром для переселенцев из Германии и базой немецкого завоевания Ливонии.

Немцы подошли вплотную к передовому русскому форпосту на Двине – Кукенойсу. В 1207 году развернулась непродолжительная борьба между Вячко, кукенойским князем, и рыцарями. Эта борьба закончилась для князя Кукенойса неудачно: силы его были невелики, Владимир Полоцкий, к которому Вячко обратился за помощью, медлил с выступлением. Вячко вынужден был оставить свой замок и навсегда ушёл из своего княжества в Россию. После падения Кукенойса наступила очередь княжества Герцике. Старинные русские крепости на Двине перешли в руки немцев. Немецкое иго нависло над землями латышей и ливов.

Отказ Владимира Полоцкого от исконных прав на ливонские земли и пассивность его преемников в этом вопросе имели причины. Находясь на западной окраине земли Русской, Полоцкое княжество граничило с Литвой. С конца XII века литовцы всё чаще и чаще набегали на полоцкие земли. Полоцкие князья, с трудом отбиваясь от них, не могли уделять достаточно сил для защиты своих отдалённых владений и отступили под напором немецкой агрессии.

Во время борьбы полоцких князей против крестоносцев Новгород и Псков стояли в стороне. По-видимому, они считали события на берегах Двины чем-то далёким, не затрагивающим их интересов. В период с 1212 по 1217 год, занятый борьбой с суздальскими князьями, Новгород не мог уделить внимания прибалтийским делам. Эстония же лично убедилась, какое иго несут с собой немецкие рыцари. Эсты поняли, что спасения против надвигающегося поражения они могут искать только у русских. В 1216 году они предложили старому врагу немцев князю Владимиру Полоцкому план совместной борьбы против крестоносцев: полоцкие войска должны были осадить Ригу, эсты напасть на земли ливов и латышей, покорённые орденом. Смерть Владимира Полоцкого помешала осуществлению этого плана. Тогда эсты обращаются к Новгороду.

К этому моменту новгородцы, разбившие в битве на реке Липице в 1216 году суздальских князей, получают возможность решительно вступить в борьбу, развернувшуюся в Прибалтике. В феврале 1217 года войско новгородцев, псковичей и отрядов эстов вступило в пределы Эстонии и взяло штурмом сильную крепость Оденпе.

Страх перед русско-эстонским военным союзом, сознание недостаточности собственных сил для покорения Прибалтики и отражения русских заставили епископа Альберта обратиться в 1218 году к королю Дании Вальдемару.

Для успешной борьбы против немецко-датских рыцарей со стороны Новгорода необходима была настойчивость и последовательность, проявить которые он был не в состоянии: в первой четверти XIII века Новгород был поглощён защитой своих вольностей от притязания суздальских князей.

В 1224 году пал последний оплот русских в Прибалтике – древний город Юрьев. Поход князя Ярослава Всеволодовича в 1234 году был последней попыткой русской государственно-сти продолжить борьбу за Ливонию. Спустя три года началось нашествие татар на Русскую землю. Ослабленная татарским нашествием, Русь вынуждена была временно примириться с утратой Прибалтики.

Немецкие рыцари попытались воспользоваться тяжёлым положением Руси, решив продолжить свои завоевания за счёт русских земель. Чтобы обеспечить успех похода, орден заключил союз со Швецией. Немецкие и шведские рыцари выступили одновременно. Шведы направили свой удар на Неву и Ладогу, немецкие рыцари – на Изборск и Псков, предполагая далее захватить и подчинить себе всю Северо-Западную Русь.

Поход шведских рыцарей был остановлен в самом начале, на Неве. Молодой новгородский князь Александр Ярославич встретил врагов на берегу Невы и в короткой битве наголову разбил шведское войско. Князь-победитель с тех пор вошёл в историю под именем Невский.

Немцы же захватили Изборск, Псков и всю западную окраину Новгородской земли. Враг стоял у ворот Новгорода. Решалась судьба всей Северо-Западной Руси.

Александра Невского не было в это время в Новгороде: не поладив со своевольным новгородским боярством, он уехал на свою родину в Переяславль-Залесский. Но грозная опасность, нависшая над Родиной, заставила забыть все ссоры. Невский приехал в Новгород и поднял весь народ на борьбу против врага. Несколькими короткими ударами Александр вернул Копорье, Водскую землю, Псков. Руководство ордена поняло: наступает час решающей схватки. Орден собрал все силы и снова двинулся на Русь.

5 апреля 1242 года на льду Чудского озера произошла решающая битва, вошедшая в историю под названием «Ледовое побоище». Рыцарские войска были разбиты наголову; лишь жалкие остатки их спаслись бегством.

В жестокой борьбе с крестоносцами русский народ отстоял свою независимость. Однако спустя четверть века объединённые войска немецких и датских рыцарей попытались нанести новый сокрушительный удар по Руси.

18 февраля 1268 года вблизи крепости Раковор, находившейся на территории современной Эстонии, произошла одна из самых грандиозных и кровавых битв европейского Средневековья. Войска немецких и датских рыцарских орденов сражались с русскими полками. Русские под предводительством сына Невского, юного переяславского князя Дмитрия Александровича одержали трудную, но блестящую победу. Позже западные историки и хронисты назовут битву под Раковором предвестницей Грюнвальда, а князя Дмитрия станут именовать лучшим полководцем Европы XIII века, а историк В. Ключевский говорил о нём так: «В 1263–1294 годах Переяславским княжеством владел сын Александра Невского Дмитрий, который, став (1276) владимирским великим князем, сделал Переяславль своим стольным городом. Время правления Дмитрия Александровича стало периодом наибольшего могущества Переяславского княжества».

К сожалению, в России имя Дмитрия Александровича, которому в 2000 году исполнилось 750 лет со дня рождения, оказалось несправедливо забытым. Попытаемся (в какой-то мере) восполнить этот пробел.

О князе Дмитрие Александровиче и его славных победах над врагами Руси и пойдёт речь в нашем историческом повествовании.

Часть первая

Глава 1. Князь Андрей

В покои четырнадцатилетнего переяславского князя Дмитрия Александровича вошел ближний боярин Ратмир Вешняк и доложил:

– Прибыл гонец из Ростовского княжества.

Сын Александра Невского порывисто поднялся из кресла. Весьма кстати! Дела после смерти отца, великого князя, пошли на Руси из рук вон худо. Вот-вот грянут новые междоусобицы. Сам собирался в Ростов Великий посоветоваться с умудрённой княгиней Марией и князем Борисом Васильковичем, и вдруг – гонец.

– Кто пожаловал, Ратмир Елизарыч?

– Сам боярин Корзун, княже.

Юный Дмитрий заметно оживился: лучшего посланника и не надо. Боярин Неждан Иванович – один из самых тонких и дальновидных мужей Ростово-Суздальской Руси.

– Немешкотно зови!.. А впрочем, погоди, Ратмир Елизарыч. Пусть отдохнёт с дальней дороги боярин Корзун, а уж вечер и потолкуем. Ты уж порадей насчёт питий и яств. Добрый гость у нас ныне!

– Порадею, княже.

Было Ратмиру Вешняку лет около сорока. Осанистый, крепкотельый, с густой каштановой бородой. Когда-то молодым дружинником он лихо сражался со свейми⁴ на берегах Невы и с немецкими рыцарями и был щедро награждён Александром Ярославичем.

После ухода Вешняка Дмитрий задумчиво заходил по покоям. Ещё неделю назад, перед Рождеством, из Суздаля прибыл родной дядя Андрей Ярославич, брат недавно умершего отца. Был он чем-то возбужден и нетерпелив, тотчас попросил прийти из женской половины хором великую княгиню Вассу Святославну. Дмитрий вот уже два года не виделся с дядей и с удивлением отметил, что Андрей Ярославич, коему не стукнуло и сорока лет, заметно постарел; лицо его было блеклым и осунувшимся, одни лишь глаза оставались суровыми и властными, какими они были всегда.

Вдова не заставила себя ждать. Была она вся в чёрном облачении и походила на монахиню. Васса Святославна очень любила своего мужа и тяжело переживала его утрату. Александр Ярославич взял её в жены через полгода после кончины своей первой супруги Александры Брячиславны, дочери полоцкого князя. Александра родила ему четверых сыновей: Василия, Дмитрия, Андрея, Даниила, а Васса – дочь Евдокию. Похоронив мужа, великая княгиня не захотела оставаться в стольном граде Владимире и перебралась с пасынками и пятилетней дочерью в Переяславль, на родину супруга.

Князь Андрей Ярославич не стал ходить вдоль да около. Прямой и не любивший ничёмных предисловий, он тотчас спросил в лоб:

– Как ты посмотришь, Васса Святославна, если я вновь вернусь на великокняжеский стол?

В покоях на какое-то время установилась мёртвая тишина. Нелёгкий подкинул вопрос Андрей Ярославич. Владимирский стол пока пустовал, но Васса Святославна отлично понимала, что в самом ближайшем времени на великокняжеском троне окажется либо Андрей Ярославич, либо его брат Ярослав, кой нетерпеливо выжидает, что предпримет необузданный и

---

⁴ *Свейи* – шведы.

горячий Андрей. По прадедовским заветам стол должен наследовать старший брат, но положение его шаткое: Андрея Ярославича не любят в Орде. Ведь именно он двенадцать лет назад, вопреки дальновидному Александру Невскому, поднял свою дружину на татарские полчища. Орда такого дерзкого вызова никогда не забудет и предпочтёт крутому князю – Ярослава Ярославича, кой льстив и раболепен и пойдет на всё, чтобы заполучить из рук хана Берке ярлык на владимирский стол.

Васса Святославна глянула на Дмитрия. Любопытно, что сейчас в голове пасынка? Лицо его замкнуто и хмуро, а это уже верный признак того, что юный переяславский князь весьма озабочен вопросом своего дяди. Вассе Святославне по душе был второй сын Александра Невского. Ему, больше чем другим братьям, передался отцовский характер. Сей отрок выглядел старше своих лет, был довольно умён и рассудителен и уже сейчас неплохо разбирался в запутанных и противоречивых делах Руси.

Длительное молчание Вассы Святославны привело Андрея Ярославича в замешательство. Он надеялся на скорый и положительный ответ. Ведь каждому ясно, что владимирский престол должен наследовать старший из братьев. Но почему такие холодные, отчуждённые глаза у великой княгини? А может, всё дело в том, что появление его, Андрея, на владимирском столе тотчас лишит Вассу звания великой княгини: ею станет супруга нового великого князя. Именно в этом причина.

– Как мне кажется, Васса Святославна, не по нутру пришлись тебе мои слова, – прервал затянувшееся молчание Андрей Ярославич.

– Ошибаешься, князь. Ты – законный наследник престола. Но на твоём пути могут возникнуть препоны. Вот почему я и призадумалась.

– Я прекрасно об этом ведаю, княгиня. Но если ты, как супруга покойного Александра, приедешь с князем Дмитрием во Владимир и скажешь свое веское слово в защиту законного наследника, то город вновь примет меня. Владимир не забыл, что я несколько лет был великим князем.

– Владимир, может, и не забыл, а вот хан Берке трижды подумает, чтобы ставить тебя на великое княжение, дядя, – с иронией вмешался в разговор Дмитрий.

«Молодчина!» – с явным удовольствием посмотрела на пасынка Васса Святославна.

Лицо Андрея Ярославича покрылось красными пятнами.

– Не рано ли язвишь, племянничек? Думаешь, ханский лизоблюд Ярослав станет во благо Руси?

– Во благо – не станет, но и тебя, дядя, опасно видеть властителем всея Руси.

– Т-э-к, – с неподдельным раздражением протянул Андрей Ярославич. – И в чём же моя опасность, племянничек?

– Дров наломаешь, – попросту, без обиняков отозвался Дмитрий.

– Это каких ещё дров?

– Сам ведаешь. За что тебя мой отец всегда укорял? Ведь ты, дядя, коль станешь великим князем, вновь начнешь замахиваться на Золотую Орду. Но теперь Александра Невского нет, заступиться некому. Разгневанный хан Берке не остановит своих полчищ. И гори огнём земля Русская.

– Поганый отцовский корень! – переполненный злостью, выскочил из-за стола Андрей Ярославич и яркими глазами глянул на Вассу Святославну.

– А ты что думаешь, княгиня?

– Дмитрий хоть и юн, но Бог наделил его светлым разумом.

Взбешённый князь Андрей быстро зашагал к низкой сводчатой двери. Оглянулся и запальчиво выкрикнул:

– И без вас обойдусь!

Глава 2. Раздоры – гибель Руси

Княгиня радушно встречала известного ростовского боярина.

– А тебя и годы не берут, Неждан Иванович. Почитай, пять лет тебя не видела, а ты всё как добрый молодец. Вот что значит молодая жена. Как она? – задумчиво молвила Васса Святославна.

– Да всё слава Богу, матушка княгиня. Добрая попалась супруга, – степенно отвечал боярин.

– А во здравии ли княгиня Мария Михайловна?

– Пока Бог милует. Но вся в неустанных трудах и заботах. Покойно дня не проживёт. Побаиваюсь за неё, матушка княгиня. Уж слишком тяжкое бремя на себе несёт.

– Да уж ведаю, Неждан Иванович. Мария Михайловна всю жизнь о Руси печётся. Это ж надо – сколь городов против Орды поднять! А каково последствий ждать? Татары могли всю Русь испепелить. Как токмо сердце у Марии Михайловны выдержало?

– Тяжко, зело тяжко ей пришлось, княгиня. Ночи не спала и всё поджидала вестей от супруга твоего, Александра Ярославича. Это он, ценой своей жизни, спас от нового ордынского нашествия Русь. Сумел-таки отговорить хана. Но Берке не из тех людей, кто извиняет. Перед отъездом Александра Ярославича на Русь он пригласил его на прощальный дастархан⁵ и...

Неждан Иванович не договорил, заметив, как наполнились печальными слезами глаза Вассы Святославны.

Великая княгиня была довольно молода. Четыре недели назад ей исполнилось всего двадцать три года. Александр Невский взял её, дочь князя Святослава Всеволодовича, в шестнадцать лет.

– Я ведаю, – грустно вздохнула княгиня, – что хан Берке отравил моего супруга медленным ядом. Когда Александр Ярославич отъезжал в Орду, то был в полном здравии. Я никогда не зрела его недужным. И вдруг сильно заболеть и скончаться в сорок три года! Скончаться в самой зрелой мужской поре! Никогда не верю тем людям, кои говорят, что супруг мой преставился от недуга. Никогда!.. Я ненавижу хана Берке и постараюсь сделать всё, дабы помешать его гнусным козням. Наверняка он опять что-то худое замышляет.

– Замышляет, княгиня. Вечевые восстания городов пошли на пользу Руси. Хан Берке окончательно убедился, что татарские отряды по сбору дани не приносят большой пользы. Едва ли не половина дани оседает в несметных чувалах баскаков и его сборщиков. Ещё наш ростовский князь Борис Василькович, по наставлению матушки своей Марии Михайловны, ездил в Орду, дабы уговорить хана Сартака, чтобы тот позволил нашим князьям самим собирать ордынскую дань. О том же говорил с ханом Берке и Александр Ярославич. Хан прикинул выгоду и согласился с Невским. Ныне мы уже не видим баскаческих отрядов. Так что не зря громыхали вечевые колокола. Но Берке, кой ныне занят войной с персидским ханом Хулагу, ни на день не забывает и о Руси. Он отлично ведает, что вечевые восстания на какое-то время сплотили русских князей. А сие для хана – острый нож в горло. Надо во что бы то ни стало расколоть единение удельных князей. Берке надумал использовать старый, но давно испытанный способ. В Орду примчал тверской князь Ярослав Ярославич. Он распластался перед Берке и, лобзая ханские сапоги, выклянул ярлык на великое княжение.

– Я так и мыслил, – заговорил молчавший досель князь Дмитрий. – Андрею Ярославичу нечего было и замахиваться на Владимир.

– Он, как и прежде, поступил слишком опрометчиво. Владимир встретил Андрея с опаской. Никто не забыл его необдуманной вылазки на татар. Но Андрей упрям как осёл, всё на

---

⁵ Дастархан – угощение, а также нарядная скатерть, расстилаемая для пиршества.

свой хохряк гнёт. Я – законный наследник – и всё тут! Придётся «наследнику» убраться из Владимира восвояси.

– Мне он показался недужным. Что-то гложет его, Неждан Иванович.

– Гложет, княгиня, и не на шутку. Слух прошёл, что у Андрея неизлечимый недуг. Сколь его ведаю – не берёт он себя. То в длительные запои ударится, то в нескончаемые прелюбодейства. Ну да сейчас речь не о нём. На Русь надвигается новая беда. Надёжный человек княгини Марии донёс, что хан Берке, в обмен на ярлык, затребовал от Ярослава расколоть русских князей. Земли Тверского княжества находятся по соседству с северными владениями ростовских князей. Они же – довольно богаты, Тверь давно на них зарится. Враждебность Ярослава к умершему брату всем известна, и ныне она перешла на Ростов Великий, против коего Ярослав задумал заключить военный союз с Великим Новгородом. И если сие ему удастся, то кровопролитных битв не избежать. И это в лихую годину, когда Отечество наше под ордынским ярмом. Междоусобные раздоры – гибель Руси! Княгиня Мария и князь Борис Василькович весьма встревожены. Надо неотложно воспрепятствовать мерзким помыслам Ярослава.

– Какой подлый человек, – неприязненно молвила Васса Святославна и вопрошающе глянула на ростовского посланца. – Что же нам предпринять, Неждан Иванович? Мы не можем сидеть сложа руки. Не так ли, Дмитрий?

– Не можем! – резко отозвался юный князь. – Я обращусь к старшему брату Василию. Новгородцы его уважают. Думаю, они не пошлют свою дружину Ярославу, кой лизоблюдством добыл себе великое княжение.

– Толково, Дмитрий Александрович, – одобрительно произнес боярин Корзун. – О том же в первую очередь подумала и княгиня Мария. Она написала грамоту новгородскому князю Василию, и коль будет к нему ещё и послание князя переяславского, то Ярослав останется на бобах⁶. И княгиня Мария и Борис Василькович очень надеются на тебя, княже. Ныне быть или не быть междоусобной войне – в твоих руках, Дмитрий Александрович.

Князь откинулся на спинку резного кресла. Глаза его заблестели, лицо порозовело. «В твоих руках!» Зело высокие слова высказал посланник княгини Марии. Высказал ему – четырнадцатилетнему отроку! То ль не уважение, то ль не признание его места в Ростово-Суздальской земле?!

Но затем горделивое возбуждение схлынуло, и Дмитрий вдруг понял: какая громадная ответственность ложится на его юные плечи. Новый великий князь Ярослав затаит бешеную ненависть к своему племяннику, коя не преминет сказаться на его дальнейшей судьбе. Дядя (все это ведают) не только пакостлив, но и чрезвычайно мстителен, и если затея его с Великим Новгородом сорвется, то он непременно поквитается с сыновьями Александра Невского. Так что же тогда делать? Трусливо отказаться от плана ростовской княгини Марии, кою почитает вся Русь? Ну уж нет, дядюшка! Он, Дмитрий, никогда не будет ордынским лизоблюдом и никогда не предаст интересы Руси.

– С моим гонцом всякое может приключиться. А дело, боярин Корзун, и впрямь неотложное. Я сам направлюсь в Новгород к брату Василию.

– Похвально, князь! – довольно воскликнул Неждан Иванович.

Восхвалила пасынка и Васса Святославна:

– Какой ты у меня молодец, Дмитрий! Так-то будет надежней.

---

⁶ *Остаться на бобах* – обмануться в расчётах, остаться ни с чем.

Глава 3. Новгородцы

Суздальский князь Андрей Ярославич, так и не утвердившись на владимирском престоле, измотанный тяжким недугом, скончался в марте 1264 года.

Ярослав Ярославич был взбешен действиями своих племянников. Его задумка прибрать к своим рукам северные владения ростовских князей провалилась. Новгородцы не захотели ссориться ни с переяславцами, ни с ростовцами. Междоусобная война не вспыхнула. Строжайшее повеление хана Берке сорвалось.

«Так и ярлык потерять недолго, – досадовал князь Ярослав. – Надо опять ехать Орду и просить у хана татарское войско, дабы нещадно наказать Ростов, Переяславль и Новгород. Не бывать тому, чтобы эти города вышли из-под руки великого князя!»

Ярослав Ярославич начал было собираться в дорогу, но тут пришло известие, что немецкие крестоносцы и Дания вновь готовят удар на северо-западные земли Руси. Великий князь заметался. Если уедешь в Орду (а там хан Берке может продержаться у себя и несколько месяцев), то рыцари за это время могут навалиться на Псков, Новгород и другие княжества. Народ его отъезд в Орду не простит, всюду будет горло драть: «Изменник, татарский прихвостень! Гнать с великого княжения!» Русский народ, коль в гнев войдет, пострашнее ордынца станет. Уж лучше к хану не ездить. Но и сиднем сидеть рискованно.

Подумал, подумал Ярослав Ярославич и решил ехать совсем в другую сторону – в Новгород.

«Надо новгородцев к кресту привести да и ордену кукиш показать».

Но выехать сразу не довелось: две недели лили беспрестанные дожди, дороги развезло. Подождав ещё неделю, когда погода разгулялась и установилось вёдро⁷, 23 мая, на Леонтия огуречника, великий князь выбрался в Новгород. Ехал со всей владимирской дружиной (береженого Бог бережет!) и с кормовым обозом, растянувшимися на добрую версту.

Путь до Господина Великого Новгорода немалый. Тысяча верст! Обычно преодолевали его по рекам Тверце и Мсте, а затем тряслись на конях. «И немало на том пути приходилось привалов, дневок, ночевок».

Речной путь Ярослав Ярославич сразу же отменил: во-первых, на большую дружину и кормовые запасы ладий не наберешься, а во-вторых, до Новгорода протащишься до морковкина разговенья⁸. А великому князю надо поспешать. Дела свалились неотложные, каждый день на золотом счету. Но тут, как назло, вновь зарядили дожди. Особо худо было ехать по лесным дорогам. Возки «княжьих мужей» и Ярослава Ярославича кренились и застревали в непролазной грязи. Обозные возницы рубили топорами валежник и сосновые лапы, кидали их под колеса, а затем, обутые в лапти, сами лезли в грязь, подталкивали возки и отчаянно понукали измученных лошадей.

Лишь к середине пятой недели великий князь выбрался на реку Волхов. И вот наконец-то показались за рекой купола Софийского собора и высокие белокаменные стены княжеского Детинца.

Новгородцы, ведая о неприязни Ярослава к сыновьям Александра Невского, уговорили Василия временно покинуть Новгород, иначе «брань будет лютая». Василий согласился отъехать в Псков, но взял с новгородцев слово, что те ни в коем случае не станут помогать в ратных делах Ярославу, если тот задумает напасть на северные владения ростовских земель.

---

⁷ Вёдро – ясная, сухая солнечная погода.

⁸ Морковкино разговенье – день Успения, 15 августа.

Гордые новгородцы встретили великого князя настороженно, и когда тот потребовал, чтобы население присягнуло ему, то новгородцы сами захотели, чтобы Ярослав дал клятву «в верном соблюдении условий».

– Что за условия? – хмуро спросил великий князь.

– Всё будет сказано в договоре, – отвечали горожане.

Через два дня от имени архиепископа, посадника Михаила Федоровича, тысяцкого Кондрата и «всего Новгорода, от старейшин и меньших» Ярославу торжественно вручили грамоту, в коей было сказано:

«Князь Ярослав! Требуем, чтобы ты, подобно предкам твоим и родителю, утвердил крестным целованием священный обет править Новым городом по древнему обыкновению, брать одни дары с наших областей, поручать оные токмо новгородским, а не княжеским слугам, не избирать их без согласия посадника и без вины не сменять тех, которые определены братом твоим Александром, сыном его Дмитрием и новгородцами. В Торжке и Волоке будут наши княжеские тиуны (или судии): первые в твоей части, а вторые в Новгородской; а в Бежицах ни тебе, ни княгине, ни боярам, ни дворянам твоим сел не иметь, не покупать и не принимать в дар, ровно, как и в других владениях Новгорода: в Волоке, Торжке и прочих; также в Вологде, Заволочье, Коле, Перми, Печере, Югре. В Русу можешь ты, князь, ездить осенью, не летом; а в Ладогу посылай своего рыбника и медовара по грамоте отца твоего Ярослава. Дмитрий и новгородцы дали бежичанам и обонежцам на три года право судиться собственным их судом: не нарушай сего временного устава, и не посылай к ним судей. Не вывози народа в свою землю из областей наших, ни принужденно, ни волею. Княгиня, бояре и дворяне твои не должны брать людей в залог по долгам, ни купцов, ни землевладельцев. Отведем сенные покосы для тебя и бояр твоих; тиунам и дворянам княжеским, объезжающим волости, даются прогоны, как издревле установлено, и токмо одни ратные гонцы могут в селах требовать лошадей. Что касается пошлин, то купцы наши в твоей и во всей земле Суздальской обязаны платить по две векши с лодки, с воза и с короба льну или хмеля. Так бывало, князь, при отцах и дедах твоих и наших. Целуй же святой крест в уверение, что исполнишь сии условия; целуй не через посредников, но сам и в присутствии послов новгородских».

Требование новгородцев не пришлось по душе Ярославу. Коль станешь тут княжить, то весь твой доход будет от даров, дань же пойдет в казну общественную. А ежели ты захочешь своего подручника в ту или иную волость посадить, то только с согласия новгородского посадника. А того хуже, что некоторые волости откупали право иметь собственных судей. Не дозволяли новгородцы и переселяться своим землякам в другие княжества.

Но особенно раздражало Ярослава упоминание в грамоте князя Дмитрия. При жизни Александра Невского он с девяти до двенадцати лет правил Новгородом и сделал немало поблажек вольнолюбивым новгородцам. А уж про старшего сына Василия, княжившего до Дмитрия, и говорить не приходится.

Ярослав Ярославич помышлял было кое-что выправить в грамоте, но новгородцы так уперлись, так мятежно загалдели, что великий князь струсил и утвердил обет крестным целованием. Новгородцы уgomонились, а Ярослав Ярославич принялся спрашивать лазутчиков⁹: что замышляет Ливонский орден и какие у него ратные силы. Соглядатаи отвечали, что немецкие и датские рыцари собрали большое войско, но когда ждать нападения – одному Богу известно.

– Худо досматривали! – осерчал великий князь. – Вновь ступайте в земли крестоносцев и любыми путями извешдайте о начале набега.

Просидел Ярослав Ярославич в Новгороде едва ли не два месяца, пока лазутчики не доставили новые вести:

---

⁹ Лазутчики – разведчики.

– Немцы, кажись, свой поход отложили. Многие рыцари разъехались по своим владениям.

– Вот и слава Богу, – размашисто перекрестился Ярослав Ярославич. – Пора и домой собираться.

В стольный град вдовый князь возвращался с юной красавицей Ксенией, дочерью боярина Юрия Михайловича, подмеченной в Новгороде. Шумная свадьба состоялась во Владимире. Но молодая жена лишь на короткое время остановила Ярослава от козней против сыновей Александра Невского. Ему по-прежнему непременно хотелось кинуть Русь в междоусобные войны, иначе, как он полагал, на владимирском столе не усидеть. Хан Золотой Орды долго выжидать не будет. Повеление его надо выполнять. И Ярослав решил на новые происки.

Глава 4. Трусость князя Ярослава

Дмитрий остался доволен встречей с братом Василием. Тот заверил переяславского князя, что никогда не даст свою дружину в угодую своему каверзному дяде, если тот замыслит что-то недоброе против Руси. О том же молвил и Дмитрий. Братья скрепили свои слова крестным целованием.

Поговорили князя и о делах ливонских.

– Я не думаю, что крестоносцы отказались от своей затеи. Им мало земель эстов, латышей и литвинов. Они десятки лет жаждут русских владений. Не забыл о своём первом походе на рыцарей?

– Такое не забывается, брат Василий. И всего-то прошло два года.

«В 1262 году собрались князя идти к старой отчине своей, к Юрьеву ливонскому». Поход был необычен. Вместе с русскими дружинами на крестоносцев выступили князь Миндовг литовский, князь Тройнат жмудский¹⁰ и племянник Миндовга, князь литовский и полоцкий Товтивил. Впервые русские князя договорились вступить в военный союз с литовскими князьями, чтобы ударить на Ливонский орден. В челе новгородской дружины шел двенадцатилетний Дмитрий Александрович. (Рано в те далёкие времена русские князя становились воеводами.) Он был преисполнен восторга. Его благословил на ратный поход сам Александр Невский, кой находился в то время в Новгороде.

– Немецкие псы-рыцари отменные воины, сын. Разбить их будет нелегко. Юрьев – наш древний, искони русский город. Отобрать его от крестоносцев – дело чести. Мыслю, ты не посрамишь отца своего, Дмитрий.

– Не посрамлю, батюшка. Буду изо всех сил биться!

Александр Ярославич положил свою тяжелую ладонь на плечо Дмитрия.

– На всю жизнь запомни, сын, что врага бьют не только силой, но и умом, сноровкой и ратной хитростью. Нужен особый полководческий дар, но он приходит с годами. Я тебя на словах многому учил, но всё постигается в битвах. Только на поле брани рождается настоящий полководец... Жаль, что неотложные дела заставляют меня отбывать в Орду. Брат же мой Ярослав, с коим ты пойдешь на рыцарей, далеко не воин. Он привык всё делать чужими руками и никогда не пойдёт на врага впереди дружины. Как всегда, будет отсиживаться за спинами ратников. Не шибко-то доверяй ему. Боюсь, что в решающий момент он пойдет на попятную. Ты же постарайся вести себя достойно. Не посрами меча моего.

И Александр Невский после этих слов протянул сыну свой знаменитый меч, с коим доблестно сражался и в Ледовом побоище и на Чудском озере.

У Дмитрия даже слезы на глазах выступили. Он, преклонив колени, принял меч от отца, приложился к нему губами и горячо произнес:

– Клянусь тебе, батюшка. Я никогда не посрамлю твоего меча богатырского! Верь мне!

– Верю, сынок.

Через день Александр Ярославич уехал в Золотую Орду, дабы ценой своей жизни спасти Русь от нового татарского нашествия. (По городам Ростово-Суздальской Руси только что прокатились антиордынские народные вечевые восстания, вдохновительницей коих была княгиня Мария Ростовская.)

Больше Дмитрий отца своего не увидел. Он двинулся с дружиной на Ливонский орден. У ливонского Вендена русские полки поджидал литовский князь Миндовг, но князь Ярослав Ярославич, также посланный великим князем Александром Невским, не спешил к своему

---

¹⁰ Жмудь – одна из литовских областей.

союзнику, и Миндовг, так и не дождавшись русских, вынужден был отказаться от осады города и, опустошив окрестные земли, возвратился назад.

Князь Дмитрий воспринял эту неутешительную весть с огорчением: отец настоятельно просил его как можно ближе познакомиться с Миндовгом и особенно с литовским князем Довмонтом, в коем Александр Ярославич видел самого надежного союзника русских князей. Ни с тем ни с другим встреча не состоялась: уж слишком медленно вёл свою рать Ярослав Ярославич, уж слишком длительны были его бесчисленные привалы и дневки.

К Юрьеву русские дружины пришли с большим опозданием. Немцы имели возможность надежно укрепить город. «Был Юрьев тверд, в три стены, и множество людей в нём всяких, и оборону себе пристроили на городе крепкую».

Князь Дмитрий не стал больше дожидаться подхода полков князя Ярослава и взял немецкую твердыню дерзким, тщательно продуманным приступом. Оставшиеся в живых немецкие рыцари были изумлены. Кто б мог подумать, что столь мощную крепость может одолеть совсем юный князь! Да это уму непостижимо.

Князь Дмитрий, отчаянно ходивший на приступ, заметил дяде, что тот пощадил свою дружину.

– Такую крепость одной новгородской дружиной осилить было тяжко. Надо было, дядя, всем скопом навалиться, а не стоять за пять верст выжидаячи. Да и осадных лестниц у тебя было гораздо...

– Ты меня уму-разуму не учи, юнота! – взорвался Ярослав. – Ишь, великий стратиг нашелся. Сам ведаю, как ливонские крепости брать!

Но он и не собирался брать Юрьев, прикинув, что такую крепость, окруженную тремя прочными стенами, русским войскам не одолеть. Он потащился в Ливонию по приказу великого князя Александра, кой его унизил, назначив главным воеводой своего сына Дмитрия. И вот этот сосунок всем утёр нос – и русским князьям, и немецким рыцарям. Взял да и захватил неприступную крепость! И это больше всего приводило в ярость князя Ярослава.

А Дмитрий, воодушевленный удачей, попросил своего дядю продолжить наступление на ливонские города. Но тот, неделю простояв в своём стане и не предприняв никаких решительных усилий, вдруг отдал приказ – всем своим дружинам немешкотно уходить назад.

«Прости, батя, – сумрачно возвращался домой князь Дмитрий. – Мы не пошли дальше, но в том моей вины нет. Вся вина – на трусости и бездеятельности дядюшки. Он, как токмо прослышал, что к Юрьеву идёт Великий магистр, наложил в портки и быстрехонько увёл войска вспять. Аника-воин!»

Трусость Ярослава дорого обошлась русскому войску. Магистр по следам отступающей рати вторгся в русские владения, жестоко опустошил их, но болезнь принудила его возвратиться в Ливонию.

Глава 5. Миндовг и Довмонт

Именитый полководец Даниил Галицкий не добился успеха в борьбе с Золотой Ордой, зато был вознагражден удачной борьбой с европейскими соседями. Здесь первое место занимает война с Литвой, в коей произошли важные перемены, имевшие решительное влияние на судьбы Юго-Западной Руси.

До сих пор литовцы, подобно соплеменникам своим пруссам, были разъединены. Такая разобщенность, не препятствуя литовцам собираться многочисленными толпами и опустошать соседние страны, препятствовала единству, постоянству в походах, что не могло приносить прочного, завоевательного характера. Для этого нужно было единовластие. И вот в то время как пруссы гибнут от меча немецких рыцарей или теряют свою народность вследствие разъединения, среди литовцев, значительно усиленных прусскими беглецами, являются князья, кои начинают стремиться к единовластию. Самым заметным был из них Миндовг. Этот князь был жесток, хитёр, не разбирал средств для достижения цели, никакое злодейство не могло остановить его. Там, где нельзя было применить силу, Миндовг сыпал золото и употреблял изощренный обман.

После нашествия Батыей сей князь безнаказанно опустошал русские земли, но в 1246 году, возвращаясь с набега на окрестности Пересопницы, Миндовг был настигнут у Пинска князем Даниилом Галицким и наголову разбит.

В 1252 году Миндовг направил дядю своего Выкынта и двоих племянников, Тевтивила и Едивида, воевать Смоленск. Сказал им: «что кто возьмёт, тот пусть и держит при себе». Но этот поход был хитростью Миндовга: он воспользовался отсутствием родичей, чтобы захватить их волости и богатство, после чего отправил свое войско, чтобы нагнать и убить племянников и дядю. Литовские князья, однако, вовремя узнали о намерениях Миндовга и бежали к Даниилу Галицкому, за которым была сестра Тевтивила и Едивида.

Миндовг послал гонца к Даниилу, чтобы тот не укрывал изгнанников и отправил их в окопах в Литву. Однако Даниил, посоветовавшись с братом Васильком Романовичем, двинул свою рать на Литву и одержал несколько крупных побед. Миндовг запросил мира. Но князь не успокоился: забыв на время о богатых русских владениях, он принялся опустошать земли Ливонского ордена.

Летописец говорит, что «Миндовг начал сильно гордиться и не признавал себе никого равным. В 1262 году он провозгласил себя королем литовским». В том же году у него скончалась жена. У покойной была родная сестра, коя была за князем нальшанским Довмонтом. Миндовг повелел сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай её оплакать». Когда Ядвига приехала на похороны, Миндовг произнес:

– Сестра твоя перед кончиной велела мне жениться на тебе, чтобы другая детей не мучила.

– Да как такое возможно? – удивилась Ядвига. – Мой муж – Довмонт.

– Аль тебе не известно, свояченица, что любое завещание покойного свято? – сурово сдвинул брови Миндовг. – И рушить его я никому не позволю.

Ядвиге ничего не оставалось делать, как выйти замуж за нелюбимого и жестокого литовского короля. Отказ означал бы её явную смерть, а побег из каменного замка был невозможен.

Нальшанский князь Довмонт был разгневан. Миндовг перешел все границы. Где это слышано, чтобы отобрать у живого мужа его супругу и женить её на себе?!

Довмонт сгоряча бросился было к замку короля, но вовремя спохватился. Действовать надо продуманно и хладнокровно.

В 1263 году Миндовг послал все свои войска за реку Днепр, чтобы разбить князя Романа Брянского. В походе участвовала и дружина Довмонта. Подобрал удобное время, он объявил

остальным воеводам, что волхвы предсказывают ему дурное и поэтому он не может продолжать поход.

Возвратившись назад, Довмонт немедленно отправился к замку короля, застал его врасплох и убил вместе с двумя сыновьями.

Племянник короля Тренята принял сторону Довмонта, кои заключили между собой договор. Тренята стал княжить в Литве, на месте Миндовга. Новый король послал гонца за полоцким князем, братом своим, Тевтивилом. Тот прибыл через неделю. Упоенный властью, довольным голосом Тренята произнес:

– Я никогда не был ни жестоким, ни алчным. Надо поделить земли и поместья Миндовга по-братски. Твои полоцкие владения приумножатся.

– Я рад твоёму бескорыстию, Тренята.

Но дележка привела к ссоре между братьями. Каждый старался отхватить кусок пожирнее. Ссора закончилась продолжительной дракой. Дело дошло до того, что Тевтивил стал думать, как убить брата, а Тренята – как бы отделаться от Тевтивила.

Один из бояр полоцкого князя, Прокопий, надумав поживиться за счет предательства, донес Треняте о замысле своего господина. В ту же ночь Тевтивил был убит. Но убийца не долго правил Литвой. Через месяц, когда Тренята шел в баню, его зарубили четверо людей Тевтивила. (Средневековые отличались братоубийственной резнёй не только в Золотой Орде и Монголии, странах Ближнего и Дальнего Востока, но и на Руси, и в государствах Западной Европы.)

В Литве начал действовать единственный оставшийся в живых сын Миндовга, Воишелк. Это был злобный и весьма кровожадный человек, на голову превосходивший своей жестокостью и Миндовга, и его племянников. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк (ещё до гибели отца) стал княжить в Новогрудске, будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека; в который день не убивал никого, был печален, а как убьёт кого, так и развеселится». И вдруг пронеслась весть, что Воишелк, «ежедневно плавая в крови жертв невинных», принял христианство. К радости бедных подданных и смягченный верою Спасителя, Воишелк возненавидел власть мирскую и отказался от света. Затем он, под именем Даниил, долго жил в обители игумена Григория, известного благочестием, и настолько проникся христианской религией, что надумал свершить длительное паломничество в Иерусалим и гору Афонскую. Но путь этот надо было проложить через недружественную Венгрию. Тогда Воишелк явился вначале к отцу, затем к Даниилу Галицкому и заявил, что является посредником мира между ним и отцом своим Миндовгом. Условия были столь выгодны, что нельзя было их не принять. Сын Даниила, Шварн, получал руку дочери Воишелка, а старший брат его, Роман, получал город Новогрудск от литовского короля и несколько городов от Воишелка. При заключении этого мира Воишелк просил Даниила Галицкого дать ему возможность пробраться на Афонскую гору, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через венгерские владения; но смуты, происходившие тогда на Балканском полуострове, заставили Воишелка возвратиться назад из Болгарии, после чего он построил себе монастырь на реке Неман между Литвой и Новогрудском. Южным же Мономаховичам вновь удалось утвердиться в волостях, занятых было Литвой.

В обители Воишелк трудился несколько лет, ревностно исполняя все обязанности инок. Миндовг ни ласками, ни угрозами не мог поколебать его усердия к христианству, но весть о смерти отца повергла инок Даниила в необычайную ярость. Он схватился за меч, а затем сбросил с себя монашескую рясу и дал Богу обет через три года вновь облачиться в неё, когда отмстит Довмонту и его приспешникам. Мечь Воишелка была ужасна: собрав полки, он явился в Литву, как свирепый зверь, и истребил множество людей, называя их предателями. Триста семей успели бежать в Псков.

Один Довмонт не уstraшилcя cвоего cродника. Он cмело выходил на бой c воинами Воишелка и был непобедим. И всё же весной 1266 года, когда Литва признала Воишелка своим государем, Довмонт приехал в Псков, принял здесь христианскую веру и заявил, что хочет послужить во славу святой Руси. Псковитяне не только с удовольствием встретили слова Довмонта, но и без согласия великого князя Ярослава Ярославича выбрали его на вече своим князем и дали войско для опустошения Литвы.

Довмонт с честью оправдал доверие псковитян. Вначале он разорил земли влиятельного князя Герденя, пленив его двух сыновей, затем на берегах Двины одержал над князем сокрушительную победу. Множество литовцев погибло, многие из них утонули в реке, а Гердень панически бежал. Псковитяне, «славя храбрость Довмонта, с восхищением видели в нём набожность христианскую: ибо он смиренно приписывал успех своего оружия единственно заступлению святого Леонтия, победив неприятелей в день памяти сего мученика», 18 июня.

В том же 1266 году умер знаменитый на всю Русь князь Даниил Романович Галицкий. У него осталось три сына: Лев, Мстислав и Шварн. По желанию Воишелка Шварн был признан наместником литовским, сам же Воишелк опять возвратился в монастырь. Однако недолго он пребывал в тихой обители: вскоре он вновь возвратился в свой литовский замок и объявил себя королем.

Глава 6. Красен град Переяславль

В шестнадцать лет переяславский князь Дмитрий Александрович и вовсе повзрослел: ещё больше раздался в плечах, налился силой и уже дважды ходил на медведя с рогатиной.

Ближний боярин Ратмир Вешняк не нарадовался:

– Вылитый батюшка. Александр Ярославич также в отроческие лета на медведя хаживал.

Всё теплое время года князь Дмитрий, как и отец, проводил в летнем тереме, возведенном когда-то Александром Ярославичем на Ярилиной горе. Красивейшее место на берегу Плещеева озера!

Еще в далёкие времена сия гора, достигшая пятнадцати саженей высоты, весьма удобная для обороны, была облюбована человеком. Поселение находилось на самой вершине, отрезанной от прибрежной возвышенности широким и глубоким оврагом. Жители этого городища, как и всего Переяславского края, принадлежали к угро-финскому племени меря. В VII–IX веках на берегах озера появились славяне. Мерянское население не вытеснялось, оно постепенно растворялось в массе более многочисленных и культурных славян. На выжженной солнцем вершине горы совершались языческие обряды в честь славянского бога солнца Ярилы, откуда происходит и древнейшее её название – Ярилина гора. С проникновением христианства языческие боги были уничтожены, а на вершине горы был возведен православный храм.

Сколь раз любовался князь Дмитрий с Ярилиной горы своим чудесным градом и дивным, привольным озером. Не много русских городов может соперничать с Переяславлем-Залесским по красоте и живописности местоположения. Город свободно раскинулся в обширной долине у места впадения тихой реки Трубеж в Плещеево озеро. С юга и запада в долину спадают крутые откосы высоких холмов.

Город, основанный в 1152 году Юрием Долгоруким, стал первоклассной крепостью, надежно запиравшей с запада подступы к житнице края – чернозёмному ополью. Крепость стояла на кратчайшем торговом пути, соединяющем Среднюю Волгу с её верховьем через Оку, Клязьму, Нерль Клязьменскую, Трубеж, Плещеево озеро, реку Вексу, озеро Сомино и Нерль Волжскую. Это был важнейший торговый путь от Волжской Булгарии до Великого Новгорода. Из Залесского края вывозился хлеб, пушнина, мед, воск. Из стран Арабского Востока и Прикамья, из Византии и Западной Европы, из Новгорода и Приднепровья шли сюда украшения из стекла и цветного металла, дорогие ткани, серебряные монеты, оружие.

Земляные валы (длиной до 2,5 верст) были насыпаны при основании города. В 1238 и 1252 годах по их крутым травяным откосам взбирались татарские полчища и гибли тысячами. Валы опоясывали княжеский детинец неправильным кольцом и имели высоту около восьми саженей; окруженные глубоким рвом, в дно которого были вбиты ряды заостренных кольев, они сами по себе были уже надежным оборонительным рубежом. Однако по верху вала шли ещё высокие рубленые стены с бревенчатыми башнями. На валах с северной стороны стояла Спасская, с запада – Рождественская и с юга – Никольская. Все эти три башни имели проездные ворота. Остальные: Карашская, Глухая, Духовская и Тайницкая – были срублены в «четыре стены»; Алексеевская, Троицкая, Варварская и Круглая – в «восемь стен», Вознесенская – в «шесть стен». Спасские ворота непосредственно примыкали к реке Трубеж, через которую был перекинут деревянный мост, соединявший город с посадом. На валу, в северной его части, был изготовлен неширокий проем. Здесь внутри вала находился водный тайник для выхода к реке, не случайно башня, стоявшая над ним, называлась Тайницкой.

Красавец княжеского детинца – белокаменный Спасо-Преображенский собор начал возводить в 1152 году всё тот же Юрий Долгорукий, а завершил его в 1157 году Андрей Боголюбский. Он расположен на Вечевой площади.

Юный князь Дмитрий, не раз любуясь собором, отмечал его мощность, простоту и строгость линий, как бы символизирующих суровую героику русской действительности XII века. С внешней стороны собор почти не имел украшений, кроме белокаменного городчатого пояска в верхней части барабана и пояска на апсидах. Его узкие щелевидные окна напоминали бойницы крепости. Совершенно очевидно, что зодчие создавали такие окна не только для того, чтобы сотворить внутри храма таинственный сумрак. Они видели в соборе и последний оплот защитников города. Отсюда и окна-бойницы, удобные для ведения огня. И пусть у защитников, укрывшихся в храме, было мало надежд на спасение, но собор-крепость давал возможность сражаться в последний, уже безнадежный час битвы. Зодчий верил: защитники не сложат оружия, не запросят пощады, не сдадутся на милость победителей, но заставят врагов кровью добывать эту последнюю твердыню. Страницы многих летописей подтверждают, что именно так гибли русские города.

Не случайно и то, что переяславский собор был возведен не в центре крепости, а в её северной части и входил в сооружения земляных валов с их башнями и стенами.

«Зело хитроумно собор моими предками поставлен», – раздумывал Дмитрий. Заложённая во втором ярусе, с северной стороны дверная ниша, ведущая на хоры, была связана с княжескими теремами и специальным переходом соединялась со стенами кремля и с башней, расположенной на валу поблизости от собора¹¹.

Юрий Долгорукий подарил собору роскошный серебряный потир¹² – чашу для причастия – замечательной работы русских умельцев. Чаша и поддон были украшены дивным орнаментом, а по верхнему краю снаружи выгравировано имя патрона Юрия Долгорукого – Георгия Победоносца.

Пол собора был настлан жёлтыми и зелёными майоликовыми¹³ плитками, изготовленными переяславскими мастерами, а внутренние стены расписаны фресками. Собор имел одну главу, как и знаменитый одноглавый храм Покрова на Нерли.

Перед Спасо-Преображенским собором раскинулась Вечевая площадь. Кажется, совсем недавно на двух дубовых столбах здесь висел и оглушительно гремел вечевой колокол. Переяславцы по призыву Ростова Великого поднялись против ордынских угнетателей. Летописец напишет: «Бысть вече, на бесермены по всем градам русским, и побиша татар везде, не терпяще насилия от них».

Князь Дмитрий, во время городских восстаний Ростово-Суздальской Руси, правил Великим Новгородом и нетерпеливо ждал возвращения из Золотой Орды отца. То были тревожные дни. Русь затаилась, ожидая нового татарского нашествия. Города спешно укреплялись и готовились к жестокой схватке. Но ордынские тумены¹⁴ не появились. Русь спас, поплатившись своей жизнью, Александр Ярославич.

Дмитрий тяжело переживал потерю отца. Тотчас после похорон он вернулся на свою родину в Переяславль и стал владельцем этого именитого княжества. Его брат Андрей сидел в Городце Волжском, Даниил – в Москве, а старший, Василий, ушел из жизни ещё год назад. Он помышлял осесть в Суздале, но великий князь Ярослав Ярославич, негодуя на каждого из сыновей Невского, отослал его за ярлыком в Золотую Орду. Впереди Василия помчали великокняжеские гонцы, кои нашептали хану Берке, что Василий помышляет убить засевшего в Суздале ордынского баскака и отказывается платить татарам дань.

---

¹¹ С конца XIII века собор стал усыпальницей переяславских удельных князей. В 1294 году здесь был похоронен князь Дмитрий Александрович, а в 1302-м – последний переяславский удельный князь Иван Дмитриевич, сын Дмитрия Александровича.

¹² *Потир* – чаша с поддоном, в коей во время литургии возносятся Святые Дары. В 1930 году этот потир был передан Переяславским музеем в Оружейную палату Московского Кремля.

¹³ *Майолика* – обожжённая глина, покрытая непрозрачной глазурью и рисунком.

¹⁴ *Тумен* – отряд в 10 тысяч воинов.

Берке поверил. Этот человек не достоин владеть ни одним из русских городов. Он должен умереть.

Берке действовал давно проверенным способом: он отравил Василия ядом.

«Каков же негодяй наш дядюшка! – стоя у окна терема, подумал князь Дмитрий. – Он готов искоренить всю нашу семью. Надо что-то предпринять».

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Дмитрий вышел из терема и, как всегда, невольно залюбовался Плещеевым озером. И до чего ж лепое¹⁵ и раздольное! Местные рыбаки давно подсчитали, что длина озера почти 27 верст, а ширина – свыше шести. Извели рыбаки и самое глубокое место озера, достигающее аж тринадцать сажений. Тысячи лет озеру, но оно всё не мелеет. Да и как ему обмелеть, когда в него вливаются больше десяти рек. Самая крупная из них – Трубеж, коя берёт своё начало в Берендеевских болотах. Вытекает же из озера только одна Векса с северо-западной его стороны.

Плещеево озеро, как ведал князь Дмитрий, одно из крупнейших в срединной Руси. Оно даже обширнее, чем ростовское Неро-озеро, и обладает исключительной красотой. Берега его то равнинные, то холмистые, то покрытые зарослями камыша, открыты со всех сторон. Только с севера к берегу примыкает сосновый бор.

Сейчас озеро тихое и спокойное, но князь Дмитрий хорошо ведает, что при сильных ветрах, в непогодь на озере бушуют гигантские волны, и тогда берегись купеческие ладьи! Бывали случаи, когда торговые люди погибали вместе со своими парусными судами. Ну чем не море – Плещеево озеро?! А сколько рыбы, рыбы – не перечсть. Но самая знаменитая – ряпушка. Ни один пир, ни один торжественный обед не обходится без подачи гостям блюда ряпушки. Переяславская сельдь известна всей Руси.

Промысел рыбы – один из самых древнейших местного населения. Из поколения в поколение передаются названия рыбацких тоней, границы коих ничем не определены, кроме памяти народной. Каждая занимает полосу в сто-двести сажений и имеет своё наименование, связанное с очертаниями берега (Болото, Треста, Холмочек, Глина), или с заметными береговыми предметами (Синий камень, Могилки, Чёрный крест), или с устьями рек и ручьев (Кухмарь, Слуда, Сиваныч, Дедовик...). Всего рыбаки насчитали шесть десятков тоней. И каждый рыбак отменно ведает, в какой тоне, на какой глубине, в какое время и на какую приманку можно ловить ту или иную рыбу¹⁶.

Вот и сейчас заметны многочисленные ловы. На многих тонях виднеются челны-однодеревки, а по берегам снуют рыбаки с сетями, мережами, мордами¹⁷, бреднями... В полуверсте от Ярилиной горы переяславцы тянули большой невод.

Лицо князя Дмитрия ожило, глаза заискрились азартными огоньками. Покойный Александр Ярославич весьма любил этот промысел. Вот и он, Дмитрий, не раз брался с рыбаками за тяжелый невод.

Сбрасывая на ходу с покатых плеч малиновый бархатный кафтан, шитый золотой канителью¹⁸, князь поспешил к рыбакам.

---

¹⁵ *Лепое, лепый* – красивое, красивый.

¹⁶ В данной главе использованы краеведческие материалы К. Иванова и И. Пуришева.

¹⁷ *Морда* – рыболовная снасть, сплетённая обычно из ивовых прутьев, в виде узкой круглой корзины с воронкообразным входом; то же, что *верша*.

¹⁸ *Канитель* – очень тонкая витая позолоченная или посеребренная проволока, употребляемая в золотошвейном деле.

Глава 7. Тесть, зять и внуки

Июньское солнце доброе, весёлое, недавно над Ростовом Великим всплыло, а уже изрядно землю пригревает. В яблоневом и вишнёвом саду, радуясь раннему погожему утру, заливают свои звонкие трели шустрый соловей, щебечут птицы.

Румяное солнышко играет на цветных стеклах купеческого терема, на причудливо изукрашенных петушках.

«Добрый денек выдался, – сидя на красном крыльце и довольно поглядывая на внука, размышлял Василий Демьяныч. – Вот так бы до самого Новгорода без дождинки. Нет хуже для торгового обоза непогодь, много товара может подпортить».

– Не забудь, Васютка, рогожи взять. Погода проказлива. До Новгорода – не близок свет. И дегтю не забудь! Без колеса телега не ездит.

– Да ты что, дед? Аль в первый раз в дальний град снаряжаюсь? Никогда ничего не забываю, – степенно отвечал тридцатилетний Васюта, укладывая на подводу кули с хлебом, солью, круги желтого воска, бобровые меха, мед в липовых кадлушках...

Две другие подводы дворовые люди Митька и Харитонка (обоим уже далеко за сорок) загружали знаменитым ростовским осиновым лемехом¹⁹, коим по всей Руси покрывали деревянные купола церквей, кровлю княжеских и боярских хором, проездных и глухих башен крепостей. Такой товар всюду брали нарасхват: покрытые ростовским лемехом купола, башни и крыши держались веками; они не гнили, не трескались, не боялись ни самых продолжительных дождей, ни обильных снегопадов, ни жаркого солнца. Но изготовление лемеха требовало большого искусства. Когда-то трудно верили, что для лемеха непременно нужна осина. Не смолистая, кондовая сосна, привычно применяемая в русских деревянных постройках, а простая осина. Впрочем, далеко не простая, а выросшая на высоких песчаных холмах, среди хвойных лесов, осина свежесрубленная, но не волпялая, осина с чистой древесиной без сучков и дупел.

Дошечки для лемеха выкалывали из чурок по-старинному, топором, учитывая расположение слоёв. Потом их отделявали, придавая выпуклость или вогнутость в зависимости от того, на какое место кровли пойдут пластины. Низ каждой из них получал ступенчатое зубчатое заострение. Само покрытие сложных, изогнутых поверхностей кровли также требовало большого умения. Нужно было расположить чешую так, чтобы гвозди, коими крепились пластины, оказывались прикрытыми следующими, верхними рядами чешуи. Снаружи должно быть лишь чистое дерево, открытое солнцу, дождю и ветру.

Скоро, очень скоро под русскими осенними дождями желтоватые пластины посерели, и тогда произошло чудо: под ярким солнцем, на голубом фоне неба осиновая чешуя лемеха стала... серебряной.

Именно серебряным виделся лемех иноземцам, посещавшим Ростов Великий. В ясный, солнечный день, когда в ярко-синем небе, клубясь, медленно всплывали белые громады кучевых облаков, иноземцы останавливались у подножия башен. Закинув головы, они смотрели на округлые, словно облака, уходящие в небо чешуйчатые верха привратных твердынь и пытливо вопрошали:

– Из какого металла сотворена сия башня?

– Из осины.

Удивленные иноземцы ахали, покачивали головами, с трудом верили. Да и русскому глазу, привыкшему к серому тону деревянных изб, не сразу удастся разглядеть простое посе-

---

¹⁹ Лемех – старинное чешуйчатое покрытие из осиновых дощечек, нижние концы которых заострялись в виде ступенчатого клина. Отсюда и название «лемех», так как такие дощечки напоминали заострённый лемех плуга.

ревшее дерево в светлой серебристой чешуе вознесённых в небо, прихотливо изогнувшихся наверх.

Легко было на сердце бывшего купца Василия Демьяныча Богданова. В лесной деревне Ядрове, где скрытно от татар готовились к сечам с ордынцами князьки ратники, он и подумать не мог, что его младший внук Васютка возьмётся за торговое дело, а сам он вновь окажется в своём ростовском тереме. И случилось это полгода назад, когда в деревню, побывав в Ростове у боярина Неждана Корзуна, вернулся Лазутка Скитник. Тот собрал мир и молвил:

– Татары не придут на Русь. Всех, кто захочет вновь перебраться в Ростов или в бывшее своё село Угожи, никого удерживать, здесь не стану.

Мужики, те, что упрятались в Ядрове из Угожей, зачесали загривки. Угожи – вотчинное село боярина Корзуна, а каждое село на оброке сидит и на других повинностях. Здесь же, в скрытне, – волюшка. Ни ордынским, ни княжеским, ни боярским ярмом и не пахнет. А волюшка – милей всего. Да и давненько в глухомани обустроились. Ни бортными, ни сенокосными, ни рыбными угожьями не обижены. Нет, уж лучше в Ядрове остаться. Так угожские селяне и порешили. А вот ростовские кузнецы и плотники надумали воротиться в город.

– Ну а ты что надумал, Лазута Егорыч? – с надеждой глянул на зятя Василий Демьяныч.

– Коль честно признаться, то я бы здесь остался. Мужики истину сказывают: волюшка – всего милей. Но меня княгиня Мария на другое дело наставила. Был с ней немалый разговор. Попросила новую службу князю Борису да воеводе Корзуну послужить. Походить в их воле ради дел державных. Не мог я княгине Марии отказать. Высоко чтима она в народе. Так что быть мне в Ростове.

– Выходит, и Олеся за тобой с ребятами?

– А куда ж теперь деваться? И ты собирай пожитки, Василий Демьяныч.

Василий Демьяныч рад-радешенек. Скучал он по Ростову Великому. Как-никак, а почитай всю жизнь в нём прожил. Каждую пядь земли, каждую тропиночку помнит.

Уже в Ростове старик узнал, что зять его возведен в дворянский чин, сыновья Никита и Егорша приняты в княжескую дружину. Одного лишь Васюту, любимца Олеси, оставил Лазута Егорыч при матери. Молвил:

– Чую, мне с сыновьями надлежит подолгу в отлучках бывать. Тебе ж, Васюта, с дедом и матерью сидеть. Дел по дому хватит. Не так ли, Олеся?

– Так, Лазута Егорыч, – ласково поглядывая на мужа своими большими лучистыми глазами, отвечала супруга. Недавно ей миновало пятьдесят лет, но бывшая сказочная красота её во многом сохранилась. До сих пор мужчины с интересом поглядывают на бывшую первую красавицу Ростова Великого, и никто не даёт ей почтенных лет. Тридцатилетняя молодка – и всё тут! Да и сам Лазута Егорыч, обнимая жену по ночам, всё ещё называл её «лебёдушкой». (Долго не увядает красота женщин, коих Бог наделил доброй, светлой душой и неистребимой любовью к мужу и своим детям.)

Купеческий терем, простоявший без хозяев несколько лет (был оставлен на дворовых Митьку и Харитонку) вдруг заполнился шумом, гамом, детскими голосами. Жена старшего сына Никиты принесла ему двоих сыновей и дочку, жена Егорши – сына и двух дочерей. И тот и другой по благословению отца и матери нашли себе невест в Ядрове, и оба были довольны своими избранницами. А вот «младшенький» до сих пор всё ходил в холостяках.

– Пора бы и тебе, сын, жену в дом привести, – не раз говаривал Лазута Егорыч. – Аль девок мало на Руси?

– Не приглядел, батя, – смущенно отвечал Васюта.

– Коль не приглядел, так я пригляжу. У меня глаз намётанный, не ошибусь.

– Не надо, батя. Я сам.

– С каких это пор сыновья сами себе жён присматривают? Женишься, как и исстари повелось, по моей родительской воле. И на том шабаш!

Васюта помрачнел, замкнулся.

– Чего губы надул? Аль тебе родительские слова не указ?.. Такой-то видный детина, и всё девку не может заиметь. Да на тебя каждая заглядывается.

Васюта, единственный из сыновей, своим обличем весь походил на мать. Необыкновенно красивый, русокудрый, с васильковыми глазами и густыми чёрными бровями, он действительно всем бросался в глаза, но ни одна из девушек не тронула его сердца.

– Чего, сказываю, застыл? Отвечай отцу, Васюта, – строго молвил Лазута Егорыч.

И Васюта неожиданно, залившись румянцем, молвил:

– А я, батя, хочу с тебя пример взять.

– Как это?

– Ты у отца своего дозволения не спрашивал. Сам мать мою, Олесю Васильевну, выискал и всю жизнь в любви прожил. Вот и я хочу свою любовь сам встретить.

Лазута Егорыч поперхнулся и долго смотрел на сына, не ведая, что и ответить. Его любовь к Олесе, кою он выкрал у купца Богданова, и в самом деле не входила ни в какие рамки старозаветных устоев.

Отец продолжительное время молчал и наконец раздумчиво молвил:

– Мне Олесю, знать, сам Бог послал. Таких, кажись, и на белом свете не бывает. Буду рад, коль и ты такую суженую встретишь.

И с того дня Лазута Егорыч больше о женитьбе сына не заговаривал. Его захватили немешкотные дела, кои надолго отрывали от дома. Князь Борис Василькович, по совету прозорливой княгини Марии, посылал его то по городам Ростово-Суздальской Руси, то в Великий Новгород, а то и, вместе с боярином Нежданом Корзуном, в далёкую Золотую Орду. И всегда рядом с отцом были его неотлучные сыновья Никита и Егорша – отцовского корня, рослые, могучие, к любому делу привычные. Ранее они и сошенькой землю поднимали, и плотничьим топором изрядно владели, и в кузнечных делах были не последними. Сноровистыми, толковыми выросли сыновья. Отличились они и в сече с татарами, когда сошлись в Ростове с ордынской сотней баскака Туфана.

Боярин и воевода Корзун как-то подметил:

– Добрые у тебя сыновья, без червоточкины. Дружина их охотно приняла. А княжьы гридни²⁰ уж куда ревнивы и придирчивы.

– Не в кого им худыми быть, Неждан Иванович.

– Да уж ведаю, – добродушно улыбнулся Корзун. Он любил Лазутку, и не только за то, что тот дважды спасал его от верной гибели, но и за его нрав – общительный и бескорыстный, никогда не жаждущий ни чинов, ни славы, ни денег. Такой человек – большая редкость. Поражали в Лазутке (он не любил, когда его называли по отчеству) и цепкий ум, и природная смекалка, и умение выйти из самого безнадежного положения. Таковыми надеялся увидеть воевода Корзун и его сыновей.

В последнюю встречу Неждан Иванович посвятил своего старшего дружинника в тайны княгини Марии:

– Княгине доподлинно стало известно, что хан Берке крайне раздражен усилением Новгорода и Пскова, их независимостью от великого князя. Как ты уже ведаешь, Лазута Егорыч, псковитяне без дозволения Ярослава Ярославича возвели на свой стол литовского князя Довмонта. Ярослав угодил в страшную немилость Берке, и он задумал очередную пакость, коя может привести к новым междоусобицам. Великий князь разослал по всем ростово-суздальским городам гонцов и приказал удельным князьям собирать дружины на Псков.

– Худо, Неждан Иванович. Удельные князья не посмеют отказаться от приказа великого князя.

---

²⁰ Гридень – дружинник.

– А почему не посмеют? – с любопытством глянул на Лазутку воевода. Раньше он знал его как отменного воина, но далеко не пронизательного государственного мужа.

– Увы, Неждан Иванович. Каждый князь скован ордынским ярлыком. Не угодить великому князю – потерять удельный княжеский стол. Ярослав мигом Берке науськает, а тот и без того недоволен русскими князьями. Так что как ни крути, а собирать дружины в поход придется.

– Так-так, Лазута Егорыч, – довольно поскреб свою густую волнистую бороду Неждан Иванович. – А как же тогда с Довмонтом быть? Псковитяне его высоко чтят. Но коль всеми дружинами на Довмонта навалиться, то ему несдобровать.

– А на какой ляд наваливаться? Мекаю, Ярослав допрежь к Новгороду пойдёт, а новгородцы народ тёртый, они ведают, чем великому князю ответить. Крепко ответить! Вот и придется Ярославу восвояси топтать.

– Выходит, восвояси? – рассмеялся Корзун.

– Восвояси, Неждан Иванович.

– Ну, тогда смело пойдём в поход.

– Не худо бы всех князей нашими гонцами упредить, дабы ведали, как с новгородцами и псковитянами держаться.

– Вот тебе и бывший ямщик, – с весёлыми искорками в глазах развёл руками Неждан Иванович. – Княгиня Мария и об этом подумала.

Весьма доволен остался воевода Корзун своим ближайшим помощником.

* * *

В купцы Васютка подался по совету своего деда. Как-то Василий Демьяныч оглядел с внуком опустевшие погреба и медуши, лабазы и амбары, и сердце его сжалось. Когда-то всё было забито всевозможным товаром, на обширном дворе толпились торговые люди, «походячие» коробейники и приказчики. Ныне же – полное запустение.

Завздыхал и заохал восьмидесятилетний старик, аж слеза по его морщинистой щеке прокатилась.

– Купеческие дела свои вспомнил, дед? – сердобольно спросил Васютка.

Василий Демьяныч тяжело вздохнул:

– Вспомнил, внучок, ещё как вспомнил. Эх, сбросить бы годков двадцать.

– И по городам покатыл бы?

– А чего ж? Деньжонки остались. Прикупил бы кой-чего – и в Переяславль.

– Отчего ж в Переяславль, дед?

– Да я в сей град первую вылазку свою сделал. Удачно поторговал и с той поры частенько туда наезжал. Зело красивый град, на чудесном озере стоит.

– Вот бы глянуть, – простодушно молвил Васютка.

– Возьми и глянь. Накуплю тебе товару – и с Богом!

– А чего, дед? Надоело мне в тереме отсиживаться. Хочу и я другие города поглядеть. Набирай товару!

– Ты не шутишь, внучок?

– Да какие шутки, дед! – загорелся Васютка. – Айда по купецким лавкам.

Василий Демьяныч на храм Успения перекрестился и до того возрадовался, что облобызал внука.

Перед первой поездкой бывалый купец долго наставлял Васютку:

– На торг со своей ценой не ездят, там денюга проказлива. И запомни, внучок. На торгу два дурака: один дешёво даёт, другой дорого просит. Тут уж не зевай: купец, что стрелец, оплошного бьет. А ещё тебе скажу...

Битый час вразумлял внука Василий Демьяныч. А когда Васютка вернулся из Переяславля с прибытком, дед и вовсе разутешился.

– Никак, получилось?

– Получилось, дед. Надумал я и вовсе в купцы податься.

Лазута Егорыч отнесся к новому делу сына довольно спокойно. Не зря его в честь деда назвали. А вот Олеся взгрустнула: последний сокол из гнезда вылетает. Да и страховито по городам ездить. На Руси, почитай, никогда покоя не было.

Перед новой поездкой надела на шею сына гайтан²¹ с шелковой ладанкой и истово перекрестила:

– Да храни тебя Пресвятая Богородица, сын мой любимый!

---

²¹ *Гайтан* – плетеный шнурок или тесьма.

Глава 8. Палашка

В конце Никольской слободы Переяславля притулилась к земле курная избенка Палашки Гулёны. Кличка укоренилась давненько, с тех пор, как бывший подручник Ярослава Всеволодовича, Агей Букан, прогнал Палашку из своих хором.

Весёлая, озорная Гулёна не опечалилась. Было ей в ту пору 28 лет, выглядела для мужиков видной притягательной жёнкой²². Правда, несколько месяцев ходила Палашка брюхатой, но когда бабка-повитуха приняла от неё девочку, игривая и похотливая Гулёна не засиживалась у родного чада и вновь принялась за разгульную жизнь. Она ублажала то молодых княжеских гридней, то пожилых купцов, а когда в неё и вовсе вселился зелёный змий, она стала ежедневной посетительницей кружечного двора и вконец опустила. Бражники с гоготом волокли собутыльницу в сарай, уставленный пустыми винными бочками, и грубо потешались над пьяной жёнкой.

В юные и молодые годы, когда сочная и ядрёная девка с неистовством ласкала именитых людей, у неё постоянно водились богатые подарки и деньги.

Девочку выхаживала старая мамка Пистимея, но когда Палашка постарела и никакому мужику уже не стала угодна, то Гулёна оказалась почти нищей. Пистимея, привыкшая к Марийке, уже не спрашивала денег и кое-как изворачивалась, чтобы как-то прокормить подрастающую девочку.

Обычно весёлая, не задумывающаяся о жизни Палашка, потрёпанная и исхудавшая, стала часто ронять слёзы.

– Прости меня, доченька. Плохая я тебе мать. И свою жизнь загубила, и тебе счастья при такой матери, поди, не видать.

– Счастье не палка, в руки не возьмёшь, – тяжело вздохнув, молвила Пистимея.

– В храм пойду, грехи замаливать. Авось Бог и простит.

– Далеко грешнику до Царствия Небесного, – вновь вздохнула мамка. – Надо было допрежь о грехах своих думать.

– Ох, надо бы, Пистимея, – горестно покачивала головой Палашка. – И хоть бы чадо родить от князя. Сколь у меня их было! А то ведь от святотатца и изувера Агея Букана. Срам!

– А тебе-то отколь ведать? Ты ведь, прости господи, у кого токмо в постели не бывала. Тьфу!

– Плюй, сердчай на меня, бабка Пистимея. Заслужила... Но я точно высчитала. День в день сходится... Да и глаза его сиреневые.

– Эко, нашла приметку. Мало ли у людей глаз сиреневых.

– С кем спала, таких глаз не видела. Токмо у одного Букана.

– Да где тебе было разглядеть, коль очи свои непутевые всегда были винцом залиты. Не верю, что от святотатца, кой противу русича меч поднял и за поганых татар стоял. Не верю! Марийка наша от доброй христианской души. Нрав-то у неё мягкий и робкий, да и лицом, почитай, вся в тебя. Красной девицей будет. А то заладила: от Букана, от Букана. Не поминай мне больше этого изверга! Не зря его ростовцы живота лишили.

– Не буду, бабка Пистимея... Не буду.

Руки у Палашки мелко тряслись, и всё её нутро жаждало горькой.

– Страдаешь, беспутная.

– Страдаю, бабка. Пойду последний раз в питейную избу, а завтра, чуть свет, в храм. Вот те крест!

– Ох, чует моё сердце, добром жизнь твоя не кончится. Дьявол тебя полонил. Тьфу!

---

²² Жёнка – в данном случае незамужняя женщина.

Марийки в этот час в избе не было: отослала её Пистимея на Плещеево озеро, дабы рыбки раздобыть.

Палашка же вернулась в избенку пьяней вина. Как переступила порог, так замертво и рухнула на земляной пол. Утром, опохмелившись капустным рассолом, хватаясь худенькой рукой за впалую грудь, глянула скорбными глазами на Пистимею и молвила:

– Даст Бог сил в храм сходить, а там и помирать буду. Чу, грудная жаба прихватывает. Отгуляла свое... А грехи мне свои не замолить. Права ты, Пистимея. «Далеко грешнику до Царствия Небесного». Бог долго ждёт, да больно бьёт. Такая уж судьба моя горькая.

– Да ты что, маменька? Не плачь, ради Христа! – метнулась к матери шестнадцатилетняя Марийка. – Вместе будем в церковь ходить. Бог тебя не оставит.

– Помолись за меня, доченька. У тебя душа чистая, непорочная.

– Помолюсь, маменька, непременно помолюсь.

– А мне уж недолго. Отгуляла Палашка-милашка.

Мать горько улыбнулась и, поочередно глянув на дочь и Пистимею, тихо молвила:

– На чердак бы мне взобраться.

– Да куда уж тебе, – махнула рукой бабка. – В чём душа держится. И чего тебе там, среди хлама понадобилось?

– На чердак! – непоколебимо повторила Палашка и, немощной рукой толкнув дверь, переступила порог и вышла в сени.

По крутой лесенке не шагала, а вползала. Сверху её подтягивала руками недоумевающая Марийка, а Пистимея, опершись обеими руками на клюку, сердито шамкала беззубым ртом:

– Спятила, неразумная. Бесы в башке-то от винного запоя.

Оказавшись на сумеречном чердаке, Палашка долго отдыхала, а затем, нетвердо ступая ногами, пошла к груде хлама.

– Подь сюда, доченька. Разметай всё, пока рогожу не увидишь.

– Да зачем, маменька?

– Разметай!

Когда Марийка раскидала по сторонам чердака, освещённым небольшим оконцем, старую утварь и прочий хлам, она и в самом деле увидела полуистлевшую рогожу, под коей что-то топырилось. Вскоре в трясущихся руках Палашки оказался небольшой темно-зелёный ларец, расписанный золотными узорами.

– Вот моя разлюбезная шкатулочка, – радостно заговорила Палашка. – Рогожа чуть живёхонька, а шкатулочка как новенькая, ничего-то ей не сделалось... Пойдём-ка к оконцу, доченька.

Палашка отстегнула медные застёжки ларца и подняла крышку. Страдальческие глаза её ожили.

– Зри, Марийка.

Марийка глазам своим не поверила.

– Да тут целое богатство, маменька!.. Откуда?!

Мать, довольная изумлением дочери, стала вытягивать из ларца драгоценные изделия: золотые серёжки со светлыми камушками, серебряное запястье, серебряные колты-подвески сканого серебра, золотую гривну весом в добрые полфунта и несколько золотых монет.

– Откуда? – вновь спросила пораженная Марийка.

– То долгий сказ, доченька, и не каждому его поведаешь. Но тебе скажу, дабы о худом не думалось... Служила как-то в мамках у ростовского боярина Бориса Сутяги старушка Фетинья. Непростая старушка. Бог её особым даром наделил – недужных людей искусно пользоваться²³. Ещё девчушкой она мальчонку Бориску от верной гибели спасла, да так и осталась в его

---

²³ Пользоваться – лечить, исцелять.

хоромах. Всем сердцем к нему прикипела и любила так, как иная мать своё дите не возлюбит. Борис-то Сутяга хоть и был великим скрягой, но Фетинью щедро отблагодарил. Старуха не раз его от смерти спасала и в тайных делах его была подручницей, но о них толком ничего не ведаю. Ларец-то с богатством боярин Сутяга года за три до своей кончины Фетинье подарил.

– А к тебе-то, маменька, как попал?

– Сама дивлюсь... Сказывала тебе, что старуха странная. Я в ту пору, прости, Господи, душу грешную, в сенных девках у купца Глеба Якурина оказалась. Купец-то хоть и в годах, но до девок был падок, ну и на меня польстился. Всё приговаривал: «Не грешит, кто в земле лежит». А Фетинья почему-то не поверила. И чего ей в голову втемяшилось? Будто умом тронулась после смерти своего благодетеля. Не верю, грит, что такой христоробивый купец, как Глеб Якурин, забыв о своей супруге, с тобой шашни завёл. Не верю! Даже о заклад стала биться. Крепко поспорили. Привела я тайком Фетинью в купеческую опочивальню. Тот спал мёртвым сном. Старуха зачем-то меня за квасом послала, затем и сама тихонько удалилась. А на другой день мне ларец вручила. Диковинная старуха. Никакого греха не видела, а богатство своё отдала. С купцом же я недолго грешила: помер Глеб Митрофаныч через седмицу в одночасье. А ведь никогда не хварывал. Значит, так на роду ему было писано. А сей ларец мне Фетинья от чистого сердца подарила, сама же в монастырь сошла.

– Чего же ты, маменька, все последние годы нищенкой жила?

– А я, доченька, обет дала: богатство Фетиньи не трогать до тех пор, пока тебе шестнадцать лет не стукнет, пока беда на меня не навалится. А беда пришла – отворяй ворота. Косая-то²⁴ уж у порога стоит.

– Опять ты за своё, маменька. Тебе ведь ещё и пятидесяти нет.

– Не годы старят, а горе. Сердцем чую... И вот что я тебе скажу, доченька. Мамку Пистимею ты никогда не обижала и после моей кончины не обижай. Человек она добрый.

– Да ты что, маменька! Я такой ласковой бабушки никогда боле и не видела.

– Вот и добро, доченька, надеюсь на тебя... А богатство своё потихоньку расходуёшь и честь свою блюди, не уподобься мне, великой грешнице. Тогда пропадёшь.

Марийка сняла через голову медный крестик на синем крученом гайтане, поцеловала, горячо и истово молвила:

– Клянусь тебе, маменька, никогда в грехе жить не стану. Одному мужу буду верна.

– Вот и разумница. Порадовала ты меня, доченька. А ларец-то куда здесь припрячем. В избе пока нельзя. Чай, сама ведаешь, какие ко мне пройдохи наведываются. Им бы чего уворовать...

Палашка померла через седмицу, будто свеча истаяла. Загоревала Марийка, ходила по избе и двору как в воду опущенная. А тут одна беда не угасла, другая загорелась. На Акулину-гречишницу²⁵ ушла в мир иной и бабка Пистимея. За день до смерти она, как-то смущенно поглядев на Марийку, молвила:

– Не хотела сказывать, да предсмертную волю твоей матушки не могу преступать... Есть у тебя родимое пятнышко на левом плече с горошину.

– Есть, бабушка. Так что из этого?

– Ох, многое, девонька, – тяжело вздохнула Пистимея. – Родилась ты от страшного злодея Агея Букана, о коем наверняка наслышана. У него была такая же родинка на левом плече. Все полюбовницы его об этом ведают.

У Марийки ноги подкосились. Она не раз спрашивала мать о своём отце, но та почему-то отмалчивалась или отделялась шуткой: дурная-де в девках была и часто во хмелю, разве всех мужиков упомнишь... И вот отыскался-таки «родной тятенька»! Добро, что ростовцы

---

²⁴ Косая – так в народе называли смерть.

²⁵ Акулина-гречишница – 13 июня по ст. стилю.

изверга живота лишили, но всё равно тяжело про такого родителя слушать. Уж лучше бы мать свою тайну в могилу унесла.

– Да ты не кручинься, девонька. Никто о том, oprичь твоей матери, и не ведаёт. Выкинь из головы святотатца.

Но глаза умирающей Пистимеи были печальны: остаётся Марийка круглой сиротой. Не покинь её, Пресвятая Богородица!

Перед самой кончиной мамка дала Марийке совет:

– С собой ты лепая, пригожая, в мать. Позовут в сенные девки – не ходи. И купцы, и бояре на красных девок солощи. Им свои-то супружницы страсть надоели. Не ходи. Но и одной тебе в этой избе не прожить. Пригляди некорыстную, добрую женщину – и живите с Богом. Вдвоем-то всё повадней... А по матери долго не убивайся. Печаль не уморит, а с ног собьёт. И по мне не тужи. Кручинного поля не изъездишь. Приди в себя, доченька, осмотришься. Ты уж в девичьи лета вошла. Бог даст – доброго человека встретишь... И вот что ещё. Коль, не приведи господи, совсем худо будет, сходи к Синему камню. Приложись к нему трижды и душевно молви: «Помоги мне, батюшка, камень Синий. Помо...»

Пистимея не договорила и тихо преставилась.

Ласковое сердце Марийки никак не покидала грусть. Пистимея хоть и наказывала «долго не убиваться», но девушка вот уже третий месяц ходит к матери и бабушке на погост. Была Палагея хоть и «непутевая», но душой легкая и отзывчивая. Любила её Марийка и всё ей прощала: мать до смерти уже не переделать. Не зря в народе говорят: «Ангел помогает, а бес подстрекает», и бес этот оказался сильнее ангела. Ишь, как маменьку на худые дела толкнул. Она даже плохонького хозяйства не завела, жила одним днем. Ни огородом не занималась, ни живности на дворе не имела.

Кормовых запасов хватило Марийке только на неделю. Не осталось молодой хозяйке ни муки, ни гороху, ни репы, ни квасного сула; покоились в тощей котоме с десятков луковиц, коими некогда закусывали забредавшие в избенку всякого рода пропойцы.

Полуголодная Марийка полезла было за ларцом на чердак, да спохватилась. Надо ли маменькин клад починать? Она-то его, почитай, с младых лет берегла, уж в какой нужде сидела, но не трогала... А чем тогда жить?

Призадумалась Марийка. Без работы ей никак не обойтись. Мамка Пистимея хоть и не советовала, но видит Бог, надо к кому-то в услуженье идти, иначе за суму берись. Но то – стыдобушка! Такая молодая – да христарадничать. Нет, уж лучше в служанки податься, чай, не все бояре на сенных девок кидаются.

Марийка стала перебирать в уме переяславских бояр. Их не так уж и много (город не столь и велик), каждый именитый человек на слуху. Но один – жесток и лют, за малейший недогляд самолично плетью стегает, другой – сквалыга, коих белый свет не видывал, слуг своих в чёрном теле держит, третий – великий прелюбодей... Нет, права мамка Пистимея, не стоит к боярам набиваться.

Как-то в избу забрел материн знакомец Гришка Малыга, пожилой рыжебородый мужичонка лет пятидесяти. Он частенько бывал у Палагеи, и Марийка хорошо ведала его судьбу, о коей он не раз с горечью рассказывал, потягивая из оловянной кружки брагу или пиво. Гришка пристрастился к зеленому змию давно, с тех пор, как погибли три его сына от татар, наказавших жителей Переяславля за восстание брата Невского, Андрея Ярославича. Сам же Гришка и его жена Авдотья спаслись: во время ордынского набега на город оба ходили в лес по грибы. Вернулись вечером в мёртвый город: татары не только спалили избы и терема, но и посекали саблями всех людей. Тяжелым было возрождение Переяславля...

За неделю, как Гришке явиться в Марийкину избу, запыхала ярим огнем юго-западная часть города с Никольской и Рождественской слободами. Виноватым оказался один из кузнецов, кой вопреки строгим запретам, ночью доделывал в своей кузне срочный заказ; искры уго-

дили на соломенную кровлю соседней избы (лето стояло сухое и жаркое), и та вмиг занялась огнем. А тут и ветер, как на грех, загулял. Два десятка изб как языком слизало. Гришка с Авдотьей успели коровенку и овец со двора на улицу выгнать.

Малыга забрёл к Палашке, дабы залить вином горе, ведая, что у собутыльницы может найтись сулейка²⁶ бражки, кою она нередко готовила из солода.

– Чего-то, Марийка, никого у тебя не вижу. Мать, поди, в питейную избу убрела. А бабка где?

Марийка залилась горячими слезами.

– Да ты что, дядя Гриша, аль не ведаешь? В могилках покоятся маменька и бабушка.

У Гришки глаза на лоб.

– Вот те на! Пришла беда – отворяй ворота. Вот жизнь-то наша. Плюнуть да растереть. Подумай-ка... Ну и ну.

Гришка долго сокрушался, а затем поведал о своём горе:

– Погорельцами мы с Авдотьей стали, а деньжонок на нову избу – вошь на аркане да блоха на цепи. Не ведаем, куда и приткнуться.

– Так ко мне приходите, – без раздумий предложила Марийка. – Живите, сколь захотите. И мне с вами отрадней будет.

– Благодарствую, дочка, – тепло изронил Малыга. – Добрая у тебя душа.

Затем Гришка осмотрел заросший бурьяном огород и запустелый, скособочившийся двор, вздохнул.

– Не любила Палашка с хозяйством возиться. Всю жизнь мотыльком пропорхала. Ну, да я не без рук, и Авдотья у меня работающая. И огород поднимем, и дворишко поправим. С коровёнкой не пропадём.

---

²⁶ Сулейка – плоская бутылка.

Глава 9. Мелентий Коврига

Мелентий Коврига припозднился: возвращался с сенных угодий уже вечером, когда июльское солнце завалилось за позолоченный купол белокаменного Спасо-Преображенского собора. Не зря съездил: мужиков надо проверять да проверять. Чуть спуску дашь – и половины сена не соберешь. На тиуна²⁷ же ныне надёжа плохая. Другую неделю в избе отлеживается. Крепко-де занедужил. Гнать бы такого подручника взашей, но лучшего тиуна не сыщешь. Мужики его, как черт ладана, боятся. Прижимист, на расправу скор. Правда, нечист на руку, но где найдешь тиуна, кой бы вороватым не был. Каждый помаленьку крадет.

Когда-то Мелентий Коврига служил ростовскому князю Василько Константиновичу, но долго в Ростове Великом не задержался. Князь Василько не слишком жаловал Мелентия, кой в битвы старался не ходить, а если уж и участвовал в походах, то на врага, почитай, не кидался, стараясь в опасный момент попреридержать коня. В Ростове его ближним другом стал боярин Борис Сутяга, кои оба сетовали на Василька Константиновича:

– Не любит нас князь. На ратных советах перед всей дружиной срамит. Не лихо-де воюем, меча из ножен не вынимаем. А того не понимает, что мы не какие-то простые гридни, а бояре, коих надо беречь как зеницу ока.

– Вестимо, Мелентий Петрович. Не к лицу боярам под обух идти. На то молодые гридни есть да пешцы из мужичья.

После неожиданной кончины Бориса Сутяги на княжеском пиру, друзей у Ковриги в Ростове не осталось: другие бояре относились к Мелентию с прохладцей. Гордые, издавна известные своей вольностью и храбростью в сечах, «княжьи мужи» терпеть не могли трусоватых людей.

Неуютно чувствовал себя Мелентий Коврига в Ростове Великом, и он, после гибели Василька Константиновича на реке Сить, попросился на службу к переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу. Тот, давний недруг ростовских князей, с большой охотой принял к себе Ковригу: глядишь, стодится в каком-нибудь пакостном деле, а на разные мерзости Ярослав Всеволодович был всегда горазд. Не оставил он доброго имени у русичей. Вольготно жилось при нём Мелентию Ковриге. Но после кончины Ярослава Всеволодовича боярину пришлось перейти на службу к новому великому князю Андрею Ярославичу, кой занял владимирский стол.

Жизнь Ковриги заметно изменилась. Неугомонный, вспыльчивый и воинственный Андрей Ярославич никому не давал покоя: то устраивал на своём дворе ратные потехи, то проводил на реке Клязьме «ледовые побоища», да такие, что редкий раз возвращался в свои хоромы без синяков и шишек. А однажды разгоряченный Андрей Ярославич едва Мелентию голову мечом не рассек. Добро, шолом оказался крепким. Коврига от могучего удара аж с коня слетел, а князь знай зубы скалит: «Не забывай о щите, Мелентий. Привык в хоромы отсиживаться. Татарин – воин отменный, ни одной промашки не упустит. Зри в оба! Я тебя, Мелентий, когда на Орду пойду, в передовой полк поставлю. А ты, как я слышал, любишь к обозу жаться. Боле не спрячешься».

Коврига наливался злобой, но вслух перечить князю не отваживался. В хоромы же вставал к киоту и молил Господа, дабы Тот нещадно покарал зловредного князя. И Господь, казалось, услышал его молитвы. Когда Андрей Ярославич стал в открытую собирать на ордынцев дружины и пеших ополченцев, хитрый Коврига немешкотно помчал в Новгород к Александру Невскому. Мелентий уже ведал, что старший брат недоволен Андреем за его постоянные призывы к русским князьям ударить по Золотой Орде.

---

²⁷ Тиун – приказчик.

Невский хоть и встретил Мелентия хмуро, но осудил брата.

– Я всё ведаю, боярин. Я уже послал своих гонцов к Андрею, и ты возвращайся вспять. Коль успеешь, скажешь князю: «Не время поднимать Русь на татар. Нет пока у нас сил, дабы с Ордой управиться. Терпеть и ждать! Сокрушительный удар будет нанесен позже».

Мелентий в Переяславль не спешил, и добирался он столь долго, что прибыл в город лишь тогда, когда татары, разорив храмы и жилища, ушли далеко за пределы княжества. Коврига не слишком и пострадал: как предусмотрительный человек, ещё накануне своего отъезда в Новгород он зарыл ночью подле бани золотые и серебряные гривны и наиболее ценные пожитки²⁸, а жену и домочадцев заблаговременно спровадил в дальний лес, к бортнику. Новые хоромы возвёл Мелентий Коврига одним из первых. Умел богатеть да денежку грести. Супруге своей довольно говаривал: «И мышь в свою норку тащит корку».

После гибели войска Андрей Ярославич бежал в Швецию, и ярлык на великое княжение получил Александр Невский. Он, в отличие от брата, никогда ратных потех не устраивал, но к Мелентию относился прохладно, никогда о нём доброго слова не сказывал. Это Ковригу бесило, но затем боярин успокоился. Никуда не тормозит – и Бог с ним. Других-то бояр то в Галич пошлет, то в Новгород, то в Ростов Великий. Всё какие-то дела да сношения, по коим ездили самые преданные князю бояре. И пусть себе ездят, пока под разбойный кистень или татарскую саблю не угодят. Дороги-то дальние и опасные. А он, Мелентий Петрович, безмятежно в своих хоромх проживает да на ближних княжких людей посмеивается. Эко удовольствие в худые времена (под ордынским ярмом) по городам шастать. И самому Невскому в теплых покоях не сидится. То в Сарай к хану укатит, то в далёкую Монголию к самому кагану²⁹. Княжьи мужи не шибко-то и рады такой маетной жизни. Ну да каков игумен, такова и братия.

Возликовал Мелентий, когда изведаль, что Невский, возвращаясь в очередной раз из Золотой Орды, скончался в монастыре волжского Городца. Да, чу, скончался от татарского зелья. Не мог простить ему хан Берке замятни против сборщиков дани Орды. Он же, Мелентий, как услышал, что Ростов Великий призвал к восстанию другие княжества, тотчас, забрав всё своё добро, в дальнюю вотчинную деревеньку укатил. Береженого Бог бережет, да и любой татарин скажет, что боярин Коврига худа против Орды не замышлял.

Оживился Мелентий, когда на переяславский стол уселся сын Невского, малолетний Дмитрий. В сей град и перебрался вновь Коврига: боярам самая вольготная жизнь при княземладенце, никогда ещё они не пребывали в таком покое. Ни войн тебе, ни ратных потех. Добро, когда князь под стол пешком ходит.

Но время – не столб, на одном месте не стоит. Когда Дмитрию миновало 12 лет, привольная жизнь бояр круто изменилась. Князь собрал старшую дружину, в кою всегда входили все бояре, и не по годам твёрдо, по-взрослому заявил:

– Идём на Ливонию.

Мелентий рот разинул. Вот тебе и юнота! В лета не вошел, а уж за меч хватается. Ну да есть с кого пример брать, яблоко от яблони... Отец-то, Александр Ярославич, с отроческих лет начал о войне со свеями помышлять. А пять лет назад слух прошел, что Невский приказал князьям готовить в лесных урочищах тайные лесные дружины, а главной подручницей его стала ростовская княгиня Мария, коя указала ударить супротив басурман в вечерней колокол. И загуляла по городам и весям замятня!

Ныне, слава Богу, Ростово-Суздальская Русь угомонилась. Один молодой переяславский князек Дмитрий тормозится. Чу, опять на Ливонский орден надумал замахнуться. Ну и дурак! Куды уж ему с малой ратью на такую силищу? Кобыла с волком тягалась: один хвост да грива осталась. Не по зубам орешки. Чай, найдутся умные люди, кои юноту образумят...

---

²⁸ *Пожитки* – мелкое имущество, домашние вещи.

²⁹ *Каган* – император.

Мелентий возвращался с покосов в Переяславль с десятком оружных послужильцев (исстари у каждого боярина своя дружина).

По Никольской слободе встречу шла молодая девушка. Шла от журавля³⁰ с коромыслом на правом плече – милолица, гибкая, с пышной светло-русой косой, перевитой бирюзовой лентой; одета просто: холщовый сарафан, на ногах – поношенные чёботы³¹ из грубой, необделанной телячьей кожи.

– Нет, ты глянь, братцы. Ступает, как лебедушка, даже вода в бадейках не колышется. Лепая жёнка! – воскликнул один из послужильцев.

Мелентий (большой охотник женщин) вперил в девушку похотливый взгляд, спросил:

– Чьих будешь?

Марийка остановилась (боярин!), подняла на Ковригу лучистые сиреневые глаза.

– А ничьих, добрый господин.

– Как это ничьих? – недоуменно хмыкнул Мелентий. – Такого не бывает.

– Сирота она, боярин, – признал девушку статный, крутоплечий послужилец с чёрной, окладистой бородой.

– А ты откуда ведаешь, Шибан?

– Да уж ведаю, – плутовато крикнул в увесистый кулак послужилец и пояснил: – Дочка Палашки Гулёны. Преставилась недавно. А мужа у Палашки никогда не было.

– Никак и ты с Палашкой баловался? – хихикнул Коврига.

– Грешен, боярин. Но то давненько было.

Мелентий ещё раз внимательно оглядел Марийку и загадочно молвил:

– Авось и помогу сиротинушке. А пока ступай.

---

³⁰ Журавль – колодец.

³¹ Чёботы – башмаки.

Глава 10. Марийка и боярин

С новыми постояльцами жизнь Марийки пошла повеселей. Гришка Малыга хоть частенько и пропадал в питейной избе, но, когда был трезвым, с какой-то неумемной жадностью хватался за хозяйственные дела. У него поистине были золотые руки: первостатейный плотник, умелый кузнец, искусный печник, великолепный сапожник... Всё ладилось и спорилось у Гришки.

Марийка диву дивилась:

– Ну просто клад твой супруг, тётя Авдотья.

– Если бы не винцо, цены бы такому мужику не было, – поддакнула Авдотья и тяжело вздохнула. – Но винцо его погубит. Он ведь, бывает, по целой неделе из запоя не выходит, как будто черт его к зелью толкает. Беда!

– Добро ещё не буянит. Другие-то мужики, чуть хмель ударит, готовы всю избу разнести да ещё дерутся. Видела таких.

– Моего непутёвого Бог миловал. Знай, песни горланит, да так, что вся слобода слышит. Во хмелю он мухи не обидит. Проспится – и опять к бражникам.

– Да где он денег берёт, тетя Авдотья?

– Сама дивлюсь. У него друзей полгорода. Кому он токмо не помогал. За вино на любую работу горазд. Беда!

– А заговор от винного запоя не пробовала? Сказывают, есть такие знахарки.

– Пробовала, доченька. Приводила одну ведунью. Мой-то мертвецки пьяным спал, а бабка над ним заговор шептала. В конце заверила: «Теперь питейную избу за версту будет обходить». А Гришка мой оклемался, шапку в охапку – и опять к бражникам ударился.

– Выходит, не каждая знахарка запой снимает.

– А я так мекаю: никакая. Кто с младых лет к винцу пристрастился, того, как горбатого, могила исправит.

И всё же Авдотья шибко не бранилась: супруг между запоями и двор подновил, и огород привёл в порядок, и сена для коровы раздобыл.

И Гришка, и Авдотья с первых же дней называли хозяйку дочкой. По нраву им пришлась Марийка. И на огороде старается, и к прялке быстро приновилась, и корову доить наловчилась. (Не каждому чужому человеку бурёнка вымя даст.)

Авдотья удовлетворенно высказывала:

– Не чаяла, что у Палагеи такая дочка работающая. Ты уж не сердчай, но мать твоя никогда доброй хозяйкой не была. Прости её, грешную, Господи. А ты с лица хоть и в Палагею, но честь свою блюдешь и на всякий труд спорая. Да хранит тебя Бог.

– Хранит, тетя Авдотья. Никто меня не обижает.

– Всегда бы так, да токмо будь усторожлива. Нельзя тебе одной по городу ходить. Мало ли худых людей.

– Ты это к чему, тетя Авдотья?

– А к тому, доченька. Красным девицам не принято без пригляду гулять. Другие-то и шагу ступить без отца или матери не могут. А ты, почитай, с малых лет одна-одинёшенька по улицам бегаешь. Опасись!

* * *

Ковриге на Покров шестьдесят стукнет, но на здоровье не жалуется. Крепок Мелентий! Некоторые в эти лета от разных недугов валяются, а Коврига – хоть куда с добром.

– Кому жить, а кому гнить. Бог меня не забывает, – довольно говаривал Мелентий.

А вот супруга его была квелой и за последние годы превратилась в немощную старуху. Но Коврига шибко не горевал: свою постель он нередко делил с сенными девками. Правда, они уже далеко не первой свежести, но разве можно их сравнивать со своей Матрёной Савельевной, коя одной ногой в могиле стоит. Никак нельзя! Девки – что сотовый медок. Когда молодая голубит, будто в раю находишься.

Перед глазами Мелентия вдруг всплыла «сиротинушка». Смачная девка, вот бы такую обабить. А что? Проще пареной репы. За девку заступиться некому: ни отца, ни матери, ни брата. Надо одну сенную девку – перестарку за холопа замуж выдать, а на её место взять юную сиротку. Рада будет. Какой босячке не захочется в богатых хоромаш пожить? Да токмо пальцем помани.

На другой день к Марийкиной избе подъехал на пегом коне боярский дружинник Сергуня Шибан и, к своему удивлению, увидел на крыльце известного всему городу Гришку Малыгу, кой совсем недавно у боярина Ковриги новую изразцовую печь выкладывал.

– А ты чего здесь делаешь?

– Аль не видишь? Мережу плету.

В последние дни Гришка был трезв.

– Не слепой. Чего, сказываю, тебя сюда занесло?

– Судьба, Шибан. От неё, как от мухи, не отмахнешься. Кому что Бог даст. Сгорела моя изба, а Марийка приютила. Глядишь, под крышей, но печаль гложет.

– И печалиться неча, коль дармовую избу обрел.

– Да разве то изба? Ты б мою посмотрел. Всему городу на загляденье. Терем! Вот и выходит: чужую печаль и с хлебом съешь, а своя и с калачом в горло нейдет. Я в свою избу всю душу вложил, дивной резьбой изукрасил. Да и что говорить.

– Верю, Гришка, топором ты изрядно владеешь... А Марийка где?

– В огороде с моей старухой.

– Покличь.

На предложение боярина Ковриги Марийка, памятуя предсмертный наказ бабки Писти-меи, наотрез отказалась:

– Мне и здесь хорошо.

– Вот неразумная, – покачал головой Шибан. – В богатых хоромаш будешь жить, в шелках и бархатах ходить, сладко трапезовать.

Гришка Малыга сидел, плел снасть и про себя посмеивался: золотые горы сулит Шибан. Выходит, неспроста. Ковриге, знать, новая девка для утех понадобилась. Ишь как Шибан Марийку улещает. Лишь бы она выстояла, а коль на боярские сказки прельстится, придется ввязаться.

Марийка же (молодец, девка!) молвила:

– Скажи своему боярину, добрый человек, что благодарствую. То – честь немалая. Но в служанки к нему не пойду. Мне и своя изба мила.

Марийка поклонилась боярскому послужильцу в пояс и убежала в огород.

– Чудеса, – крутанул головой Шибан. – Не ожидал такого от девки.

– Чужая душа не гумно: не заглянешь. А ты-то мекал, что раз дочь гулящей Палашки, то и чадо по той же стезе пойдёт. Не выгорело, Шибан. У каждой пташки свои замашки, хе-хе.

– Буде зубы скалить, баюн, – хмуро изронил послужилец и повернул коня к боярским хоромашам.

Мелентий ушам своим не поверил. Нищая девка на богатства не позарилась. Да то уму непостижимо! Но такое с рук Марийке не сойдет. Не тот Коврига человек, дабы лакомая девка от него упорхнула.

– Ты вот что, Сергуня, – молвил боярин, малость подумав. – Выследи оную гордячку и приволоки силом. Но чтоб никто не узрел – ни Гришка, ни баба его, ни другой любой зевака.

– То дело непростое, боярин. Днем – всюду люд, а ночью Марийка в избе с погорельцами. Ума не приложу, – развёл руками Шибан.

– А ты приложи, Сергуня. И чтоб поборзей! – прикрикнул Мелентий. – А когда девку возьмешь, то в хоромы не доставляй.

– А куда ж, боярин? – вконец озаботился послужилец. Чудит же Мелентий Петрович!

– Доставь в мое вотчинное село. И дабы ни одна душа не ведала!

– Добро, боярин, – кивнул Сергуня. Однако лицо его было беспокойным и кислым: не так-то просто девку похитить.

Несколько дней Шибан выслеживал Марийку, и наконец-то ему сопутствовала удача: девушка пришла к могиле матери на кладбище. Оно было старинным, заросшим кустами и деревьями.

Сергуня привязал коня к ограде погоста и крадучись пошел меж деревянных крестов и могил. Ему помогал сам Бог. Глухо, пустынно, сумеречно.

Марийка, ничего не подозревая, тихо разговаривала с матерью:

– Ты уж не сердчай, маменька. Чужих людей в твою избу пустила. Они добрые, меня своей дочкой называют. Лиха не сотворят...

А лихо – за спиной. Раз – и рогожный мешишко на голову. Марийка со страху было закричала, но «лихо» затащило рот (поверх рогожи) тугим, плотным кушаком. Марийке оставалось лишь мычать, но тотчас услышала угрожающий шепот:

– Не мычи и не брыкайся, а то и нос завяжу. Тогда и дух вон.

Марийка примолкла. Шибан, оглядевшись, затащил её в кусты, связал ременными путами руки и ноги и вновь пригрозил:

– Лежи тихо, коль жить хочешь.

«Опасись одна ходить. Мало ли лихих людей», – всплыли в голове Марийки слова Авдотьи. Как права оказалась та! Она очутилась в руках лиходея. Но кто он и что ему надо?

У Марийки никогда не было недругов, она никому не делала зла. Кому же понадобилось схватить её прямо на кладбище?! Пресвятая Богородица, что же этот злодей с ней сотворит?

А Сергуня ждал полной темноты. Никто не должен видеть, как он повезет девушку в село Вельково, кое в четырёх верстах от Переяславля-Залесского.

Ближе к ночи выпала роса и стало прохладней. Марийка была в одном легком сарафане. Шибан укрыл пленницу своим долгополым суконным кафтаном и тихо, но уже миролюбиво произнес:

– Ничего не бойся. Скоро я отвезу тебя в доброе место. А пока потерпи.

Но Марийке было страшно. Да вон и филин пугающе зауhal. Ночью выползает на кладбище всякая нечисть. Жуть! И чего тянет этот злыдень?

Мало погодя Сергуня поднял девушку на руки, выбрался из кустов и пошагал меж могил к выходу из погоста. У ограды его давно поджидал пегий конь.

Дорога к Велькову петляла дремучим лесом. Конечно, в боярскую вотчину можно было добраться более удобным путем, вдоль берега озера, но Сергуня побоялся встреч с рыбаками, кои нередко засиживались у кострищ и ночами. Дорога лесом куда надежней: ночью она всегда пустынна.

По чёрному звёздному небу плыла, освещая путь, задумчивая серебристая луна. Стояла чутко-пугливая, замороженная тишь, лишь при слабом, набегающем ветерке слышался легкий шум сосен и елей да нарушал покой дробный цокот копыт пущенного в рысь коня. Его-то и услышала ватага мужиков, неторопко бредущих встечь всаднику.

Ватага остановилась, прислушалась.

– Кажись, один едет, – молвил один из путников.

– Чо делать будем, Качура? В лес сойдём аль на вершника глянем?

Большак, вожак ватаги Данила Качура, дюжий, рослый мужик в войлочном колпаке, твёрдо бросил:

– Глянем!

На крутом повороте дороги перед Сергуней неожиданно выросла стена мужиков. Разбойный люд! У Шибана ёкнуло сердце, но он был не из пугливых; выхватил из кожаных ножен меч, устрашающе крикнул:

– Посеку! Расступись!

Но лихие не дрогнули, двое из них натянули тетивы лука.

Вот тут-то Марийка, кинутая поперёк коня, услышав голоса людей, замычала изо всех сил, затрясла головой и задвигала связанными ногами. Авось и избавят её от полона неведомые люди.

– Спрячь меч, коль жить хочешь. Кому сказываю! Лучники! – громко воскликнул Качура.

И Сергуня понял: ещё миг, другой – и две стрелы пронзят его грудь. Пришлось вложить меч в ножны.

Ватажники (а было их человек десять) сняли с коня Марийку, освободили от пут и рогожного мешка и удивлённо загалдели:

– Ну и ну. Девка!

Качура, ухватив увесистой рукой коня за узду, повелительно молвил:

– Слезай!

Шибан нехотя слез, и тотчас к нему метнулась разгневанная Марийка.

– Так вот кто меня похитил! Злыдень! Куда ты меня вёз?

– Что за человек? – спросил Марийку большак.

– Худой человек. Шибан, кой боярину Мелентию Ковриге служит.

– Наслышан о сём боярине, – хмуро произнес Качура. – Жесток. От него оратаи³² в леса бегут... И куда ж ты вёз девку?

Сергуня не захотел выдавать своего боярина и взял вину на себя.

– Приглянулась. Побаловаться захотел.

– А зачем в лес потащил?

– А чтоб никто не видел. Эка невидаль девку потискать. Не убудет!

Сергуня подмигнул ватаге, широко осклабился. Ухмылка его при лунном свете была хорошо заметна. Шибан норовил прикинуться простачком, дабы привлечь на свою сторону мужиков. Но мужики не любили ни бояр, ни их служилых людей.

– Всё ли так сказывает этот боярский прихвостень? – повернулся к Марийке большак.

Девушка развела руками:

– Не знаю, что и сказать, люди добрые. И всего-то видела его один раз. И вдруг такое.

Схватил меня на кладбище, когда на могилку матери наведальась.

– А отец жив?

– Сирота я, добрые люди.

Качура с недобрым лицом вновь ступил к Шибану.

– Сироту обижать – великий грех. Рогатину ему в брюхо – и вся недолга. Не так ли, ребяташки?

– Так, Данила.

Но Сергуню спасла Марийка:

– Не лишайте его жизни. Отпустите!

– Добрая же ты, деваха. Он тебя помышлял обабить, а ты его милуешь. Будь, по-твоему.

Но меч и коня мы заберём. Живи, Шибан! Да не забывай молиться на девку.

---

³² *Оратаи* – пахари, крестьяне.

Сергуня вернулся к боярину, как побитая собака. Без меча, кафтана и коня. Удручённо молвил:

– Не выгорело дело, боярин. Беда приключилась.

Мелентий Петрович, выслушав Сергуню, затопал ногами:

– Дуросвят! Малоумок! С пустяшным делом не мог справиться. Со двора выгоню!

Долго бушевал и гневался, пока не плюхнулся на высокое резное кресло и не спросил:

– А с девкой что?

– Не ведаю. Что с ней разбойная ватага содеяла, одному Богу известно.

– Ну и дела!

Гришка и Авдотья хватились Марийку ещё поздним вечером.

– И куда запропастилась?

Всю ночь не спали, но Марийка не появилась и утром. Встревожились.

– Дело худо, Авдотья. Если в полдни не появится, пойду искать.

– Да куда пойдёшь-то?

– Ведаю! К боярину Ковриге.

Глава 11. Год 1266

Год 1266 принес немало добрых и недобрых вестей и перемен. В Сарай-Берке³³ умер великий хан Золотой Орды Берке, жестокий и немилосердный враг. «И была ослаба Руси от насилия татарского». Натерпелись русичи свирепого хана! Ордынцы спешно покинули удельные княжества, дабы присоединиться к тому или иному влиятельному хану, претендующему на золотой трон. В Сарай-Берке намечалась кровавая резня, и неясно было, кто выйдет из неё победителем. Ногай, Хулагу или внук Батыея от второго сына Тутукана?

Русь затаилась. Князья ведали: каждый – не подарок. Ногай – не менее жестокий, чем Берке, один из главных воевод татарских. Ещё в княжение Невского начались в Золотой Орде (Волжской или Капчакской) раздоры. Ногай, надменный могуществом, не захотел повиноваться хану и сделался в окрестностях Чёрного моря независимым владельцем. Он заключил союз с греческим императором Михаилом Палеологом, который в 1261 году, к общему удовольствию россиян, взяв Царьград и восстановив древнюю монархию Византийскую, не устыдился выдать свою побочную дочь Евфросинию за мятежного хана. От имени Ногай и произошло название татар ногайских³⁴, а затем и Ногайской Орды³⁵. Осенью 1266 года Ногай стал собирать свои тумены, чтобы двинуться на столицу Золотой Орды.

Не дремал и персидский хан Хулагу, давний соперник Берке, многие годы мечтавший завладеть богатыми улусами брата великого Батыея. Он, как и хан Ногай, начал двигать свои войска к рубежам Золотой Орды.

Великий каган, император Монголии Менгу, сын четвёртого сына «покорителя земель» Чингисхана, близкий друг хана Батыея, благодаря которому он завладел троним империи, не поддерживал ни Ногай, ни Хулагу. Каган хотел видеть повелителем Золотой Орды человека своего знаменитого могущественного рода. Его выбор пал на внука Батыея, Менгу-Тимура. Он молод, тверд характером и никогда не даст поблажки Руси. Он не в пример хану Сартаку, расколовшему было кочевников на христиан-несторианцев и мусульман, является ярким защитником ислама, истинным правоверным. Менгу-Тимур не будет походить и на хана Берке, который не напустил на восставшую Ростово-Суздальскую Русь свои многочисленные тумены. Берке отравил лишь великого князя Александра Невского. Но этого ничтожно мало. Менгу-Тимур обещает не только лишить жизни всех Ярославичей, но и беспощадно наказать всех русских князей, посмевших принять участие в вечевых восстаниях ростово-суздальских городов. Именно такой хан и нужен сейчас Золотой Орде.

Но как быть с Ногаем и Хулагу? Оба рвутся к власти, и оба стараются выйти из-под узды кагана, и если один из них действительно завладеет Сарай-Берке, то он ещё больше усилит свое могущество и примет все меры, чтобы получить полную самостоятельность от императора Монголии. Это крайне опасно. Не для того великий Чингисхан создавал свою громадную страну, чтобы она через три десятка лет рассыпалась на осколки.

От кагана помчались к Ногаю и Хулагу спешные гонцы с грамотами. Но ни тот ни другой не приостановил движение своих войск к Сарай-Берке. Дело принимало угрожающий оборот. И тут проявил свой характер внук Батыея. Он расставил верные ему тумены вокруг столицы, собрал курултай³⁶, пригласив на него и хана Ногай, и твердо заявил:

---

³³ В правление Золотой Ордой Батыея город назывался Сарай-Бату.

³⁴ *Ногай* – татарский правитель территории от Дона до Дуная. Имел большое влияние в Золотой Орде, выдвигал на ханский престол своих ставленников, умер в 1300 году.

³⁵ *Ногайская Орда* – феодальное государство кочевников (ногаев, позднее – ногайцев) к северу от Каспийского и Аральского морей, от Волги до Иртыша. Выделилась из Золотой Орды в конце XIV – начале XV века. Центр – г. Сарайчик.

³⁶ *Курултай* – военный совет.

– Никто не смеет отменить повеление великого кагана. Вот золотая пайцца³⁷. Смотрите! Тот, кто позволит себе нарушить приказ хана ханов и заветы Потрясателя Вселенной Чингиса, того ожидает смерть. Теперь скажите мне, – взор Менгу устремился на Ногая, – кто не согласен с повелением императора и задумал начать между соплеменниками кровавую войну, кто?

В шатре установилась гробовая тишина. Все ждали ответа Ногая.

– Да пусть живут века заветы Чингисхана. Я отвожу свои войска, – хмуро отозвался Ногай. И это означало, что повелителем Золотой Орды становится молодой Менгу-Тимур. Один же Хулагу не дерзнет кинуть свои полчища на Сарай-Берке.

С первых дней своего правления все помыслы Менгу-Тимура устремились на Русь. Он будет держать её в твердом кулаке и никогда не позволит вспыхнуть новым городским восстаниям урусов. Никакого единения князей! Русь должна быть раздробленной и покорной. Хватит в этой стране Александров Невских и Даниилов Галицких. Первый был отравлен, а второй умер своей смертью всего несколько недель тому назад. Не стало двух самых могущественных князей Руси. Но и у того и у другого остались братья и сыновья. Некоторые из них могут быть опасными, особенно Ярославичи. Правда, один из них, великий князь Ярослав Ярославич, из кожи вон лезет, чтобы угодить Орде. Он готов ради своей власти пойти на всяческое унижение и любое повеление хана, пусть для урусов самое низменное и предательское. Лесть и угодливость Ярослава не знают границ. Такой человек пока нужен Орде. Пока! Он, Менгу-Тимур, использует великого князя в своих целях. Сейчас Ярослав задумал собрать русских князей с дружинами, чтобы наказать литовца Довмонта, который без разрешения великого князя занял псковский престол. Но Довмонт наверняка найдет себе сторонников не только в Великом Новгороде, но и за рубежом, на своей родной земле. Может завязаться большая война. Того-то и надо Золотой Орде. Тяжелые сражения гораздо ослабят и Русь, и Литву. На последнюю давно уже замахиваются татаро-монгольские ханы. Не худо повторить 1258 год. Даниил Галицкий ещё четыре года назад нанес поражение литовским войскам короля Миндовга. Тот был вынужден покинуть русские земли, и всё же Даниил, заключив с Миндовгом мир, оставил ему Полоцк, где сел племянник короля, князь Товтивил.

Однако пребывание в Полоцке литовского князя вскоре привело к новой русско-литовской войне. В 1258 году Товтивил со своей дружиной двинулся к Смоленску, разорил Войщину и Торжок. Это привлекло внимание Золотой Орды, которая сама помышляла о захвате полоцко-минских земель. Хан Берке послал несколько туменов под началом полководца Бурундуя. Тот нанес мощный удар литовцам с юга и вернулся в степи с богатой добычей. Так будет и ныне: Ярослав непременно пойдёт на Псков, и он, хан Менгу-Тимур, погреет на этом руки. То, что не успел сделать Берке, претворит новый повелитель Орды. А Берке был крайне недоволен Ярославом, вызывал к себе в Сарай-Берке и осыпал грубой бранью за то, что Псков и Новгород вышли из послушания великого князя. Ярослав поклялся беспощадно наказать оба города.

Отрадно Золотой Орде, когда воюют между собой русские князья. 1266 год должен принести Менгу-Тимуру благоденствие и процветание. Так угодно всемогущему Аллаху.

---

³⁷ *Пайцца* – пластинка, выдававшаяся татаро-монгольскими ханами в XIII–XV веках, как верительная грамота.

Глава 12. Господин Великий Новгород

Неохотно снаряжался в дальний поход боярин Мелентий Коврига. И чего не сидится великому князю Ярославу? Псков, вишь ли, без согласия Ярослава возвёл на свой стол литовского князя Довмонта. Эка беда приключилась! Мог бы допрежь и грамотой пригрозить. Нет, собирает со всех городов рать и потащится под самую Ливонию. Господи, кончилась покойная жизнь! Четыре года не ведал Мелентий никаких ратных дел, жил – не тужил, покою радовался. Сладко ел и пил и девок не забывал. Правда, с «сиротинушкой» сорвалось. Сгнула красная девка, будто черти унесли.

Гришка Малыга поганым языком вякал:

– На тебе вина, боярин. Коль ты её к себе сманивал, то и держишь ныне взаперти. Отпусти Марийку, а не то к самому князю пойду.

Вот дурья башка, привязался. Пришлось Гришку во двор впустить. Но ни Сергуня Шибан, ни холопы, ни сенные девки и в глаза не видели Марийки. Однако уходил Гришка со двора хмурым. Ворчал:

– Всё равно у боярина рыльце в пуху. Неспроста он Шибана присылал.

Сергуня же разводил руками:

– Поищи в другом месте, Гришка. Мать-то колобродная была, вот и дочка её куда-нибудь затесалась к непутевым людям.

– Ты на Марийку охулки³⁸ не клади. Девичью честь свою блюла, в строгости себя держала, – серчал Малыга.

Сергуня хоть виду и не показывал, но пребывал в смутной тревоге. Марийка может объявиться в любой день, и тогда Шибану несдобровать. Гришка Малыга непременно пойдёт к князю, а тот поставит Сергуню на свой княжеский суд. Дмитрий Александрович нравом в отца, строг, старозаветных устоев держится. За хищение девки может и в поруб³⁹ кинуть или же (в пользу девки) пять гривен серебра стребовать. Деньги огромные, Сергуне вовек не расплатиться... У боярина одолжить? Пустая затея: скряга. Скорее у курицы молоко выпросишь, чем у него корку хлеба. Так и придется гнить в порубе.

Мерзко было на душе Сергуни.

Боярин упредил:

– Коль о девке где вякнешь, с живого кожу сдеру.

Но Сергуню и упреждать не надо: о таком деле и под обухом смолчишь.

Шибан с превеликой радостью принял весть о ратном походе. Идти далеко, под Новгород и Псков. Вояж может на долгие месяцы затянуться, а там, глядишь, и Марийка, коль окажется в Переяславле, в гневе поутихнет, да и Гришка пенять перестанет. Глядишь, всё и обойдётся. Дай-то Бог!

* * *

Не знал и не ведал боярин Коврига, что недоволен походом и сам князь Дмитрий Александрович. Идти на Псков – глубокая ошибка великого князя Ярослава. Обиделся, видите ли! Псковитяне прогнали с княжеского стола его сына Святослава и поставили литвина Довмонта. Теперь Ярослав всюду сердито разглагольствует: «Псков не захотел видеть у себя Рюриковича!

---

³⁸ Охулка – порочащая хула, осуждение, брань.

³⁹ Поруб – место для содержания преступников. Врытое в землю деревянное рубленое строение или крытая яма, стены которой укреплены брёвнами.

На какого-то паршивого ляха променяли. Тьфу! Не бывать тому, чтобы русскими городами иноземцы правили!»

Зело разошелся великий князь. Хотя каждый ведает, что Довмонт принял православную веру и крестился под именем Тимофея. Каждый ведает и другое: сын Ярослава в ратных делах – ни рыба ни мясо, с таким воеводой на рубежах Руси стоять опасно. А вот Довмонт уже себя показал: одержал немало славных побед, и его уже чтят, как полководца. Такой не только никому Псков не отдаст, но и сам вражьими городами овладеет. Довмонт весьма нужен Руси. Надо во что бы то ни стало разрушить планы князя Ярослава. Великая разумница Мария Ростовская не зря прислала своего ближнего боярина Неждана Корзуна. Впрочем, его, князя Дмитрия, и увещевать не пришлось. Он не такой глупендяй, чтобы не понять истинные помыслы великого князя. Тот действует не только из-за своего сына Святослава, но и выполняет приказ хана Золотой Орды Менгу-Тимура. Дураку ясно, что задумал этот коварный повелитель: руками Ярослава начать на Руси новые кровавые междоусобицы. Но князья, тцанием Марии Ростовской, уже предупреждены о злокозненных замыслах Ярослава и Менгу-Тимура. Ведают о них и в Новгороде.

Собрав дружины во Владимире (а пришли они со всех городов Ростово-Суздальской Руси), великий князь довольно молвил:

– Доброе снарядилось войско. Ныне Довмонту несдобровать. День на роздых, а завтра с Богом к Новгороду. Юрий, поди, заждался меня.

Наместником Великого Новгорода был поставлен племянник великого князя Юрий Андреевич, сын печально известного Андрея Ярославича, кой в 1252 году поднял дружины на Золотую Орду, был сокрушительно разбит и бесславно бежал к шведам, бывшим врагам Александра Невского. Зная о ненависти Андрея к Невскому, sweи охотно приняли у себя беглого князя.

Племянник великого князя держал с новгородцами ухо остро. Народ своеобразный, гордый, чуть что – и выгонят неугодного наместника. Да что наместника? Сколь князей за последние годы с именитого стола скинули?! Не ведаешь, как и удержаться.

Дядюшка долгими часами наставлял молодого племянника, но Юрий Андреевич не во всем соглашался с великим князем. На словах поддакивал, но, когда тот уезжал из города, многое делал по-своему, идя на уступки новгородцам. Иначе бы ему и недели не продержаться. Попробуй пойдь супротив посадника Михаила Мишинича и его влиятельных дружков Жирослава Давыдовича и Юрия Сбысловича, коих поддерживает не только посадская голь, но и купцы с боярами. Не пойдёшь!

Рать добиралась до Великого Новгорода едва ли не два месяца. (Не столбовая дорога!) Один кормовой обоз занимал свыше пятисот подвод. До ордынского нашествия дружины худобедно кормились в селах и деревнях, но ныне мужики так бедствовали, что хоть за суму берись. Май, июнь да июль – самые голодные месяцы. Вся надежда на новый урожай, да и тот будет невелик: не каждый мужик раздобыл посевного жита.

Дорога чаще всего тянулась лесом, иногда он распахивался на десятки сажень, а иногда так суживался, что колючие лапы сосен и елей цеплялись за тела дружинников и конские морды. Но хуже всего, когда дорогу перекрывали болотистые места, подводы ухали в зыбкую топь, застревали. Обозные люди отчаянно бранились, толкали телеги, хлестали лошадей ременными вожжами. Но иногда дело доходило до того, что возницы оказывались бессильными и приходилось возводить гати. На помощь приходили дружинники, и даже самый старший из них, Лазута Егорыч Скитник со своими дюжими сыновьями.

Лазуте давно прискучило сидеть на коне. Он скидывал с себя суконный кафтан (шеломы и кольчуги дружинников везли обычно до битвы на телегах), брал у возниц топор и с явной усладой рубил мшистые деревья; валил их, напирая всем своим богатырским телом, наземь,

обрубал сучья, один, без посторонней помощи, вскидывал тяжелое бревно на могучее плечо и неторопко нес к строящейся гати.

Возницы одобрительно толковали:

– Силен, Лазута Егорыч.

– Мужичьей работой не гнушается.

И сыновья ему под стать.

Установив на болотине гать, обоз, дружинники и великий князь двигались дальше. Ярослав Ярославич предпочитал ехать в своём богатом, нарядном возке, кой тянула чубарая тройка коней, с возницей на кореннике. Впереди и сзади возка ехали отборные гридни, готовые в любой момент защитить великого князя. Даже среди русских дружин Ярослав никому не доверял: ему всегда мерещилась измена. Ростово-суздальские князья – люди родовитые, и каждый, поди, мечтает овладеть великокняжеским столом. Взять того же Бориса Васильковича. Разве он забыл, как его дед Константин Всеволодович был великим князем во Владимире? До смерти не забудет...

А сын Александра Невского Дмитрий? Уже сейчас ему тесен удел переяславский. И всего-то шестнадцать лет недавно минуло, а уж норовит в самые именитые князья выбиться. И всё по каким-то делам с Марией Ростовской шушукается. А от княгини Марии ничего доброго не жди. Она, бывшая верная потатчица Александра Невского, ныне вовсю пестует его сына. То и дело её доверенный боярин Корзун навещает Дмитрия. Надо бы тайно подловить этого боярина да пытку с пристрастием ему учинить. А то дело до худого дойдет. Уж не замышляют ли Мария и переяславский князь новую замятню супротив Орды? Четыре года назад, почитай, вся Ростово-Суздальская Русь поднялась. А в челе замятни – Мария Ростовская. И до чего ж люто ненавидит татар эта хитрющая баба!

Ярослав Ярославич уже давно возненавидел княгиню Марию. Вначале брала чёрная зависть. Многие видные сочинители и летописцы называли её самой мудрой и образованной женщиной не только Руси, но Западной Европы. Слова грамотеев бесили Ярослава.

Княгиня Мария из роду Ольговичей, а Мономаховичи всегда враждовали с Ольговичами. А уж про Ростов и говорить нечего. Этот город как бельмо на глазу. Гордый и всегда непокорный. Сколь раз норовили Всеволодовичи взять на щит Ростов Великий, но всегда возвращались битыми. Этого Ярослав никогда не забудет. Вот и сейчас ростовский князь Борис Василькович хмур и неразговорчив. Что-то таит в себе. А что? Уж не замышляет ли чего худого? В дальнем пути с великим князем может всякое случиться. Надо усилить охрану. Господи, кругом враги, кругом враги! Скорее бы до Новгорода добраться. Там сидит надежный племянник, кой встретит его колокольным звоном и хлебом-солью.

Но надежды великого князя не оправдались. Новгородцы закрыли ворота.

– Да что они, белены объелись? – удивился Ярослав Ярославич. – Аль своего великого князя не признали?

Глашатаи и дружинник с великокняжеским стягом подъехали к самым воротам. Стены густо усеяли горожане. Многие из них были в шеломах и кольчугах.

Глашатаи гулко закричали:

– Господа новгородцы! К вам прибыл великий князь Ярослав Ярославич! Открывайте ворота да поторопитесь!

Со стен насмешливо отозвались:

– Не торопись, коза, на торг!

– Слепой в баню торопится, а баня не топится!

Ярослав Ярославич похолодел. Коль племянник не показался, то его либо в поруб кинули, либо и вовсе живота лишили. Неужели придется Великий Новгород в осаду брать?

Но вдруг ворота, натужно заскрипев, слегка приоткрылись, и из них вышел побледневший племянник в алом кафтане, шитом серебряной канителью. В пояс поклонился дяде, молвил:

– Рад видеть тебя, великий князь.

– Вижу твое радение, – сквозь зубы процедил Ярослав Ярославич. – Разве так великих князей встречают?

– Прости, дядя. Посадник Михаил со своими подручниками подняли весь город. На вече решили пропустить токмо тебя.

– А дружины?

– Дружины впускать не велено.

– Да где это было видано?! – закипел Ярослав Ярославич.

– Говори с вечем, – понутив голову, молвил Юрий Андреевич.

Великий князь скривил рот. Его переполняли досада, гнев и унижение. Но спорить, видимо, не придется. Новгородское вече – одно из самых древних и влиятельных. Коль что оно решило, так тому и быть. Надо идти на помост и обосновать свое появление в Новгороде. И Ярослав Ярославич пошел. Перекрестившись на злаченные купола храма Святой Софии, произнёс:

– Выслушайте меня, новгородцы! Литва – наш давний враг. Много лет они тщатся захватить наши исконно русские города и превратить западные земли в свои вотчины. И за примерами далеко ходить не надо. Литовский князь Довмонт, родной брат жестокого и кровожадного короля Воишелка, пришел со своими иноверцами и завладел псковским столом. Как оно можно терпеть?! Вливайтесь в мои дружины, и мы очистим Псков от иноверца Довмонта!

На помост степенно вошли посадник Михаил Федорович Мишинич, Жирослав Давыдович и Юрий Сбыслович.

– Не пристало нам, меньшим людишкам, великих князей вразумлять, – поблескивая живыми, хитроватыми глазами, начал свою речь посадник. – Князя Довмонта сами псковичи позвали. Тот давно уже помышлял принять православную веру и принял! Ныне он истинный христианин и добрый воевода, кой известен своими подвигами за землю Русскую. Он не раз громил литовские войска и не раз ещё будет их громить.

– Люб нам Довмонт! – громко воскликнул Жирослав Давыдович.

– Стоять за Довмонта! – вторил Жирославу Юрий Сбыслович.

– Стоять! – грянуло вече. – Другу ли Святой Софии быть неприятелем Пскова?! Стоять!

И этот клич был настолько властным и неистовым, что великий князь содрогнулся. Он никогда ещё не видел перед своими глазами такую громадную и яростную толпу, коя, как казалось ему, скажи супротивное слово – на куски раздерет. И Ярославу стало страшно. Он как-то весь сник, сгорбился. А громада бушевала:

– Слава Довмонту!

– Уводи свои дружины, князь Ярослав!

А за стенами города стояли в челе своих полков ростово-суздальские князья. Им хорошо было слышно, как бурлило людское море.

Молодой князь Дмитрий довольно думал: «Молодцы новгородцы. Достоинно великого князя встретили. Не зря княгиня Мария направила Корзуна к посаднику Михаилу Федоровичу и его содругам. Видит Бог, ничего не получится у Ярослава. Напрасно привёл он к Новгороду дружины».

Не скрывал своего удовлетворения и ростовский князь Борис Василькович. Слушая выкрики, доносящиеся с городского веча, он также подумал о своей матери: «Как всегда, зело мудро поступила родительница. Неждан Иванович и Лазутка добрую неделю провели в Новгороде. Славно потрудились. Ишь, как вече стоит за Псков и Довмонта. Князь Ярослав останется с носом. Ему придется распустить дружины. Ай да матушка!»

Князь Ярослав стоял на помосте, как побитая собака. Вече давило на него своими яркими возгласами, словно многопудовая глыба, и он окончательно понял, что весь поход к Новгороду оказался бесплоден и что (самое главное!) его великокняжеская власть сильно пошатнулась. Удельные князья не любят слабых властителей, и ныне они постараются сделать всё возможное, дабы показать собственную силу.

Ярослав увидел несколько новгородцев с длинными копьями, и лицо его тотчас оживилось. Он вдруг представил себе ордынское войско: грозное, устрашающее, со щитами, саблями и копьями, и злая, ехидная ухмылка тронула его застывшие губы. «Рано ликуете, недоумки. Менгу-Тимур, с его несметными полчищами, сметёт ваш поганый город и уничтожит любого князя, кто посмеет ослушаться великого хана. А пока горланьте и торжествуйте. Пока!» Сейчас он не станет угрожать Великому Новгороду ордынцами (что равносильно подбросить в пылающий костер бересту), а постарается приуменьшить своё унижение и перехитрить мятежников.

Великий князь расправил свои покатые плечи и поднял руку. Вече притихло.

– Я не хочу нарушать старозаветные устои и всегда прислушиваюсь к воле вече. Коль вам угоден Довмонт, пусть так и будет. Но помните, что вы играете с огнем. Настанет время, и вы поймете, что допустили непоправимую оплошку, и тогда каждый вспомнит мои предупреждающие слова. Довмонт хоть и напялил на себя православный крест, но все чаяния его о Литве, дабы вновь воссоединиться с королем Воишелком. Одна кровь!

Вече заново недовольно загудело:

– Чушь, князь!

– Довмонт никогда не будет Иудой!

– Довмонт всегда будет служить токмо одной Руси!

Князь Ярослав в другой раз вскинул руку.

– Будь по-вашему. Не хочу боле препираться. Вам отвечать за Довмонта. Я же отбываю на отдых в Рюриково городище⁴⁰.

– А дружины? – насторожилось вече.

– Дружины также устали. От Владимира до Новгорода немалый крюк. Денька три передохнут – и восвоюси.

– А не лукавишь, великий князь? – глянул на Ярослава посадник Михаил Федорович.

– Моё слово крепкое.

Все же три дня великий князь посвятил тому, чтобы подкупить новгородскую верхушку и склонить вече на свою сторону. Но верхушка осталась непреклонной, и Ярослав распустил дружины по уделам.

Возвращаясь во Владимир, князь раздраженно думал: «Напрасно торжествуют новгородцы, как бы плакать не пришлось. Надо немешкотно слать гонца к хану Менгу-Тимуру. И Псков, и Новгород будут нещадно наказаны».

---

⁴⁰ *Рюриково городище* – усадьба, обнесенная стеной, где жили князья, правители Великого Новгорода. Городище находилось в трех верстах к югу от города.

Глава 13. Хан Менгу-Тимур

Менгу-Тимур во всем стремился походить на своего деда, величайшего полководца Батыея, покорившего десятки государств, дошедшего со своими бесстрашными войсками почти до Адриатического моря⁴¹. Хан не уставал повторять:

– Мой дед завоевал множество земель. Иноверцы пали под саблями и копьями наших славных джигитов. С той поры минуло двадцать пять лет. Некоторые народы перестали платить нам дань и начали забывать, как их топтали копыта наших быстроногих коней. Но дело поправимо. Я со своими верными туменами не только повторю путь моего несравненного предка, но и приумножу его завоевания. Весь мир будет трепетать под пятой Золотой Орды.

Военачальники подобострастно кивали, а Менгу смотрел на их угодливые лица и хмуро думал: «Льстецы! Вы лишь с виду полагаетесь на мои слова, а в душе у каждого недоверие. Нынешняя Золотая Орда не Батыевых времён. Она по-прежнему подвержена раздорам. Правда, они не стали такими угрожающими, какими были при его брате, хане Берке. Он враждовал со всеми русскими князьями, со своими братьями и племянниками и даже с самим ханом ханов, великим каганом Монгольской империи, замахнувшись на Каракорум. Берке был слишком самонадеян и не слишком мудр. Чтобы властвовать, надо быть хитрой лисой и дальновидным политиком – во всех делах своих и даже с покоренными урусами».

Ну зачем потребовалось Берке отправлять в мир иной Александра Невского на своём «прощальном пиру». Величайшую ошибку допустил хан Берке. Он передал ярлык на великое княжение его брату, Ярославу Ярославичу. Но тот, как и его отец, не пользуется уважением среди русских князей. (Новый просчет Берке.) С Ярославом, как доносят тайные доглядчики, не слишком считаются. Ни Ростов, ни Переяславль, ни Новгород, ни Псков, ни Полоцк не только не почитают великого князя, но даже стараются выйти из-под его опеки.

Берке был в замешательстве. Дань на Руси заметно оскудела. Берке пришел в ярость. Он вновь попытался наказать урусов, но его тумены пришлось развернуть в другую сторону: на Берке напал давнишний враг, хан Хулагу, завладевший персидскими землями. Берке потерпел поражение и едва спасся. Он вернулся в Сарай-Берке подавленным. Такого позора он не испытывал за всю свою жизнь. Мерзкое настроение вконец расшатало его здоровье, и он скончался стылой осенью минувшего года.

Кончина «железного Берке» всколыхнула Ногаю, Неврюя, Телебугу и Хулагу, мечтавших завладеть лакомым золотоордынским тронem. Каждый имел многочисленное войско, и каждый был готов начать жестокую резню. Особенно опасен хан Ногай. Ещё десять лет назад «один из главных воевод татарских, надменный могуществом, не захотел повиноваться хану Золотой Орды, сделался в окрестностях Чёрного моря владельцем независимой Кипчакской Орды». Ногай был сыном Джучи, который был первенцем «священного повелителя вселенной» Чингисхана. От Джучи родились также Батый, Урду и Шейбани. Ногай не уставал повторять:

– Великий джихангир Батый – мой родной брат. Он много лет владел тронem Золотой Орды. Ещё при своей жизни он передал трон своему сыну Сартаку, но, когда Батый умер, Берке, обуреваемый жадной властью, задушил Сартака и стал хозяином Орды. Стал незаконно! Трон по праву должен принадлежать брату Батыея, мне – хану Ногаю. Но и после смерти Берке каган не одумался и прислал в Сарай своего ставленника Менгу-Тимура. Тот сидел в своём далёком Каракоруме и ничего не смыслил в делах Орды. Ему ли быть повелителем могущественных улусов? В Сарай-Берке должен сидеть наторелый, умудренный и искушенный в битвах полководец.

---

⁴¹ *Адриатическое море* – полузамкнутое море, часть Средиземного моря между Апеннинским и Балканским полуостровами.

«Опасен, очень опасен Ногай», – продолжал раздумывать Менгу-Тимур. Он больше других ханов рвётся к заветному трону... Хулагу не менее силен. Он сокрушил самого Берке, но, слава Аллаху, он послушался (пока послушался) совета императора Монголии и отвёл свои войска в Персию. Своевременно отвел: в Персии стало беспокойно, многие сановники недовольны правлением Хулагу... Есть ещё Неврюй и Телебуга. Оба – видные полководцы. Неврюй разбил брата Александра Невского, Андрея Ярославича, а Телебуга отличился в боях с другими иноверцами. Но они не так страшны и честолюбивы, как Ногай. Их можно купить золотом, табунами коней, юными наложницами и русскими соболями. И он, Менгу-Тимур, успешно подкупал падких на богатые подношения ханов. Причём подкупал не как зависимый или угодливый властелин, а как гордый, могущественный хозяин Золотой Орды, любящий делать подарки всем Чингисидам (по случаю дней рождений, мусульманских праздников, приезда в Сарай-Берке, приема посольств...). Через год своего правления, Неврюй и Телебуга перестали быть его врагами. А ещё через год оба заявили, что при нападении на Сарай-Берке внешнего врага они присоединятся к Менгу-Тимур.

Это была первая дипломатическая победа хана Золотой Орды по укреплению своей власти. Но где бы он ни находился, и что бы он ни делал, его не покидала беспокойная мысль: Ногай. За последние годы Кипчакская Орда настолько усилилась, что она уже ни в чём не уступала Золотой Орде. Ногай ещё пять лет назад перестал подчиняться не только хану Берке, но и великому кагану. С откровенным вызовом он заключил военный союз с императором Греции Михаилом Палеологом и женился на её побочной дочери Евфросинии. Вскоре войска Ногай распространили свои завоевания в Заволжье и Закамье и через Казанскую Булгарию дошли до самой Перми, откуда жители, ими притесненные, бежали в Норвегию, где король Хакон обратил их в христианскую веру и дал земли для поселения.

Ногай гораздо приумножил свои владения за счёт диких племён и отсталых народов, поэтому великим полководцем Менгу-Тимур назвать его не мог. Вот если бы он совершил блестящий поход на одну из европейских стран и поставил её на колени. Но Ногай и не думает о таком походе, понимая, что рыцарские войска ему не по зубам. Вот в этом слабость Ногай. Он не намерен исполнять завещание Чингисхана, который мечтал покорить всю землю. Это хотел претворить Чингисид, каган Монгольской империи Гаюк, именовавший себя в письмах государем мира, прибавляя: бог на небесах, а я на земле. Гаюк готовился послать в марте 1247 года одну рать в Венгрию, а другую в Польшу; через три года перейти за Дон, а затем завоевать всю Европу.

Татары и прежде, ещё при Батые, победив венгерского короля, думали идти беспрестанно далее и далее, но внезапная смерть кагана Гаюка, отравленного ядом, остановила степняков. Гаюк же помышлял завоевать Ливонский орден и Пруссию.

Менгу-Тимур хорошо помнит, как Европа страшилась Востока. Король Франции Людовик, находясь на Кипре, в 1253 году вторично отправил монахов в Каракорум с дружескими грамотами, услышав, что преемник Гаюка каган Мангу (возведенный на трон империи стараниями своего двоюродного брата Батые) принял христианскую веру. Но сей слух оказался ложным: и Гаюк, и Мангу терпели при себе христианских священников, позволяли им спорить с идолопоклонниками и магометанами, но сами держались веры своих отцов. Посол Людовика Рубриквис, приехав к хану ханов, старался доказать ему превосходство веры христианской, но Мангу равнодушно отвечал:

– Монголы знают, что есть Бог. Сколько у тебя на руке пальцев, столько или более можно найти путей к спасению. Бог дал вам Библию, а нам волхвов. Вы не исполняете её предписаний, а мы слушаемся своих наставников и ни с кем не спорим.

Посол короля Людовика нашел при ханском дворе русского зодчего, именем Ком, и своего соплеменника из Парижа, искусного золотых дел мастера Гильома, живших у Мангу в большем почете. Русский зодчий изготовил необыкновенную печать для кагана и трон из слон-

вой кости, украшенный золотом и драгоценными камнями с разными изображениями. Затем эти два кудесника сделали для кагана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырех серебряных львах, которые служили чанами в пиршествах.

Юный Менгу-Тимур, восхищаясь каганом, с насмешливой улыбкой наблюдал за русскими князьями, приехавшими за ярлыками в Каракорум. Те диву давались, когда кумыс, мёд, пиво и вино поднимались по львам до вершины дерева и лились сквозь отверстие зев двух вызолоченных драконов на землю в большие сосуды. На дереве стоял крылатый ангел и трубил в трубу, когда гости приступали к пиршеству.

Менгу-Тимур не только почитал, но и любил своего близкого сродника и повелителя. Внук Чингисхана, каган Мангу всячески привечал известных зодчих, музыкантов, художников и литературных сочинителей, следуя примеру Чингисхана, который долгое время держал при себе ученого мужа Иличутсая. Именно он спас жизнь многих ученых китайцев, основал училища вместе с арабскими и персидскими математиками, сочинил календарь для татаро-монголов, сам переводил книги, чертил географические карты, покровительствовал художникам. И когда Иличутсай умер, то завистники сего великого мужа, к стыду своему, нашли у него, вместо предполагаемых сокровищ, множество рукописных творений о науке править государством, об астрономии, истории, медицине и земледелии.

Менгу-Тимур был увлечён книгами. В его дворце была обширная библиотека, которую собирали, зная об увлечении кагана, его подданные. Как-то в руки Менгу попала рукопись посланника римского папы Иннокентия Четвертого, францисканского монаха Иоанна Плано Карпини, проделавшего длительное путешествие из Италии к императору Монголии в Каракорум. Папа, устранившись нашествию Батыя и «желая миром уладить бурю», отправил к кагану монахов с дружескими письмами. Возглавлял посольство Плано Карпини.

«Побежденные, – писал Плано, – обязаны давать моголам десятую часть всего имущества, рабов, войско и служат орудием для истребления других народов. В наше время Гаюк и Батый прислали в Россию вельможу своего, с тем, чтобы он брал везде от двух сыновей третьего; но сей человек нахватал множество людей без всякого разбора и переписал всех жителей как данников, обложив каждого из них шкурою белого медведя, бобра, куницы, хорька и чёрною лисьей; а не платившие должны быть рабами моголов. Сии жестокие завоеватели особенно стараются искоренить князей и вельмож; требуют от них детей в аманаты (заложники) и никогда уже не позволяют им выехать из Орды. Так сын Ярослав и князь яский живут в неволе у хана...»

Менгу-Тимур закрыл рукописную книгу и беспощадно подумал: «И не только сын Ярослава. Чем больше в плену знатных урусов, тем смиреннее князья». Русь должна страшиться хана. И не одна Русь. Запад до сих пор пугается исламского Востока. Не случайно великий каган, отпуская посла французского короля Людовика, дал ему грозное письмо. Менгу помнит его наизусть:

«Повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля небес исполнится и весь мир признает меня своим властителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделаем! Но если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдалена, горы твои неприступны, моря глубоки и что нас не боишься, то Всесильный покажет тебе, что можем сделать!»

«Отменный ответ дал королю каган! И то, что он не успел претворить, свершит Менгу-Тимур», – повторил свою мысль хан. Первым делом он натравит русских князей на Литву, Ливонский орден, Швецию и Данию. Князья не останутся в стороне, ибо Запад то и дело нападает на их земли, мечтая завладеть Северо-Западной Русью. Разразится большая война, в которой и Русь и Европа будут значительно ослаблены. Вот тогда-то и наступит время Менгу-Тимура. Он предложит хану Ногаю присоединиться к его туменам, и тот непременно согла-

сится, изведав об обескровленных ратях Руси и западных стран. И Менгу-Тимур начнет окончательное завоевание мира. Лишь бы вовремя подтолкнуть к войне с Западом русских князей. Среди них есть достойные воеводы. И первый среди них, пожалуй, переяславский князь Дмитрий, сын Александра Невского. Он уже в двенадцать лет удивил многие страны. Невский, отъезжая в Орду после вечевых восстаний ростово-суздальских городов, послал дружину в Новгород и велел Дмитрию идти на ливонских рыцарей. Сей юный князь взял приступом Дерпт, укрепленный тремя стенами, истребил врагов и возвратился в Переяславль с большой добычей. То, что не могли сделать более зрелые князья, сотворил отрок и прославил свое имя. Ныне Дмитрию пошел семнадцатый год. Юртджи-лазутчики доносят, что сын Невского заметно возмужал и отличается острым умом. Князья уже сейчас прислушиваются к его советам и пророчат ему место великого князя. Ярослав-де, сидя на владимирском троне, и трусоват, и нерешителен, и всем русским народом не чтим, а вот Дмитрий совсем другой, ему и повелевать Русью... Ну что ж, время покажет. Менгу-Тимуру нужны отважные люди. Вот и надо столкнуть князя Дмитрия с Западной Европой.

И другая мысль тотчас засела в голову: переяславского князя надо как можно крепче привязать к Золотой Орде. Он пока холост и возьмёт в жёны дочь самого хана. Отказаться же он не посмеет. Пусть в жилах его детей течет и ордынская кровь.

Глава 14. И след простыл!

Вот уж действительно: неисповедимы пути Господни. Марийка оказалась в глухой деревушке Нежданке, бывших разбойных избах атамана Рябца (позднее – известного купца Глеба Якурина), а затем беглых мужиков из села Покровского; среди них очутилась когда-то племянница Александра Невского Любава; побывала в Нежданке (когда татары подходили к Ростову Великому) и княгиня Мария.

Многое повидала на своём веку лесная деревушка, чудом не сгоревшая от рук отшельницы Фетиньи.

Ныне деревня заметно разрослась, стало в ней десятков изб, в коих обосновались беглые мужики.

Долго вели Марийку неведомые люди, спасшие её от боярского послужильца Сергуни Шибана, вели потайными тропами через непроходимые леса и топкие кочковатые болота.

– Куда вы меня ведете? Отпустите меня домой! – несколько раз восклицала Марийка.

– Не шибко-то тебя и ждут дома, – посмеивался вожак Данила Качура. – Захватчик твой сказывал, что ты круглая сирота.

– Я в дом добрых людей пустила. С ними мне повадно. Отпустите! – настаивала Марийка.

– Да ты не пужайся нас, девонька. Худа тебе не сотворим. И у нас будет повадно. Погодишь маленько, – всё с той же улыбкой высказывал Данила.

Беглые мужики на дороге оказались не случайно. Один из них был заслан лазутчиком в Переяславль, дабы изведать, когда отправится торговый обоз с солью в стольный град Владимир. Лазутчик прознал и вернулся в Нежданку. Вот тогда-то мужики и выбрались на большак. Но их поход оказался неудачным: торговый обоз прошел под усиленной охраной. Мужики изрядно огорчились, но Качура ободрил:

– Не тужите, православные. Не было везенья на сей раз, будет в другой. А то и сами купчишками в Переяславле предстанем.

– Как это?

– Просто, мужики. У нас, слава Богу, и мёд, и кой-какие меховые шкуры водятся. Облачимся в суконный кафтан – и на торги. Без соли не вернемся.

Мужики поуспокоились, а тут и на всадника с полонянкой наткнулись...

Данила привёл Марийку в свою избу и молвил:

– Поживи у меня, девонька. Изба новая, лепая. Я ведь ране в плотниках ходил. Глянь, какая горница. Чистая, сухая и светлая, будто светелка. Я два оконца вырубил, как будто ведал, что красна девица здесь будет жить.

– А где ж семья твоя?

– Лучше бы не спрашивала, – потемнел лицом Качура. – Жену мою молодую, на всё село самую пригожую, боярин обесчестил. Жена в запале на боярина с ножом кинулась, да, жаль, не убила, а лишь чуток поранила. Злодей повелел Матренушку мою насмерть плетью запороть... Был у меня и мальчонка пяти лет. В реке утонул. Сидел на боярском челне и рыбалил. А тут тиун появился, закричал. Сынок с перепугу в воду свалился. Помышляли мы с Матреной трех сыновей заиметь, да видишь, как получилось.

Марийка, участливая к людской беде, горестно вздохнула:

– Жаль мне тебя, дядька Данила. Знать, худой у вас был боярин.

– Худой, нравом жестокий. За малейшую провинность избивал нещадно. Оброки же такие заломил, что ни вздохнуть, ни охнуть. Не зря от него в леса бежали. Так что мы не разбойники, девонька.

– Уразумела, дядька Данила. Одного в голову не возьму. Пошто ты меня в деревню привел?

Качура ответил уклончиво:

– Опосля поведаю. А пока, сказываю, поживи у меня маленько.

– А коль сбегу?

– Не сбежишь. Без провожатого дороги вспять не сыщешь.

Марийка вдругорядь горестно вздохнула. Не сыщешь. Окрест такие дебри да болота, что сам леший заплутает.

На другой день утром она вышла из избы и прошла вдоль Нежданки. В деревне уже ведали о её появлении. Попадавшие встречь бабы были приветливы:

– Здравствуй, Марийка. Данила – мужик добрый, не обидит. И деревня наша – поискать. Ни боярина, ни тиуна треклятого. На волюшке живем. Не горюй!

Вокруг деревни простирались крестьянские нивы. Изрядно потрудились мужики, раскорчевав вокруг своего поселения вековые леса.

Бегали по Нежданке и ребятишки, оглашая деревню звонкими голосами.

А за околицей, ближе к речушке, дымилась кузня; слышался дробный перестук увесистого ручника. От речушки неторопко шли двое мужиков с бредешком и берестяным лукошком.

«Никак рыбы наловили, – невольно подумалось девушке. – Ушицы бы похлебать».

Марийке захотелось есть. Она вернулась в избу и увидела в ней пожилую женщину в посконном⁴² сарафане, наглухо повязанную убрусом⁴³. Женщина суетилась возле печи, гремела ухватом, вытягивая на шесток глиняные горшки.

– Ты кто? – с некоторым удивлением спросила Марийка, уже ведая, что у Данилы хозяйки нет.

– Аглая.

Девушка пожала плечами.

– Да ты не дивись, Марийка. Я – жена брата Качуры. Живем своим домом, по соседству. Качура один, яко перст. Прихожу к нему варево сготовить. Попробуй-ка моих штец.

– Попробую, – охотно согласилась девушка.

Марийка аппетитно ела, а Аглая неторопливо рассказывала:

– Данилу в деревне уважают. Степенный и башковитый мужик, не зря его большаком признали. А уж работающий! Дома сиднем не сидит. То избу кому-нибудь рубит, то баню, то дрова в лесу на зиму заготавливает. Одно худо – хозяйки нет. Вот и приходится ему снесь готовить, правда, урывками.

– Семья?

– Семья, Марийка, и немалая. Шестеро ртов. Наготовь на такую ораву.

– Тяжело тебе, тетя Аглая... Ты больше к Качуре не ходи. Сама варево приготовлю. Было бы из чего.

– А сумеешь?

– Эка невидаль. Да я, почитай, с малых лет с варевом управляюсь.

– Да ну! – недоверчиво вскинула льняные брови Аглая. – Аль жизнь вынудила?

– Жизнь, – кивнула Марийка и поведала Аглае о своей безотрадной судьбинushке.

– Да, – печально вздохнула после рассказа девушки Аглая. – Ни детства, ни отрочества светлого ты так и не изведала. Сиротинушка ты, горемычная!

– Да полно тебе, тетя Аглая. Никакого горя я, кажись, и не замечала. Напротив, жила как птичка вольная. Боярские-то дочери, почитай, взаперти живут, за порог не ступи. А я, – Марийка весело рассмеялась, – куда хочу, туда и иду. По всему городу, без всякого пригляду бегала.

---

⁴² *Посконь* – домотканый холст из волокна конопли.

⁴³ *Убрус* – женский головной убор, платок.

– Ну да и слава Богу, что слезами не убивалась. Человек ко всякой жизни привыкает, и здесь привыкнешь.

– Не ведаю, ох не ведаю, тетя Аглая, – раздумчиво молвила Марийка. – К матушкиной избе меня тянет. Я как-то в народе слышала и на всю жизнь запомнила: «Родных нет, а по родной стороне сердце ноет».

– Воистину, дочка. И кости по родине плачут... Пойдем, покажу тебе кормовые запасы.

В сусеках, ларях и в глубоком прохладном подполье хранились мука и разные крупы, свекла, морковь и репа, сушеные грибы и моченая брусника, мед в липовой кадушке и горох в берестяных тесках.

– Хозяйничай, дочка.

Дня через три Качура довольно молвил:

– Добрая из тебя получается повариха, Марийка. Даже хлебы выпекала.

Взгляд Данилы был одобрительный и, как показалось девушке, чересчур внимательный и ласковый, но она не придала этому особого значения. Рад – и слава Богу.

А спустя два дня деревня праздновала Ильин день⁴⁴, когда пророк лето кончает, жито зажинает. Качура за бражкой и медовухой засиделся с мужиками до полуночи и заявился в избу на большом подгуле. Лег было на лавку, но в глазах вдруг предстало гибкое, ладное тело Марийки. Всепоглощающая, похотливая мысль толкнула его к горнице.

Марийка проснулась от жадных, дрожащих от неистребимой страсти рук хозяина избы. Испуганно вскрикнула, услышав в ответ жаркие слова:

– Не пугайся... Не могу боле терпеть. Хочу голубить тебя...

Марийка всё поняла и стала вырываться.

– Не смей, дядя Качура! Не смей!

Но Данила одной рукой сжимал её упругую грудь, а другой норовил раздвинуть её оголённые ноги. Натужно и хрипло говорил:

– В жёны тебя возьму... Христом Богом клянусь!

Марийка вспомнила, как хотел над ней надругаться боярин Мелентий Коврига, и налилась гневом.

– Не хочу! Уйди!

Она рванулась изо всех сил и выскользнула из рук Качуры. Опрометью, в одной льняной сорочке, выскочила из горенки, в избе нащупала на колке⁴⁵ сермягу – и вон на улицу.

Качура опомнился, пошатываясь, вышел на крыльцо и повинно произнес:

– Прости, Марийка. Бес попутал... Где ты?

Но Марийки и след простыл.

---

⁴⁴ Ильин день – 20 июля по ст. стилю.

⁴⁵ Колок – деревянный гвоздь, укрепленный в чем-либо (обычно для вешания).

Глава 15. Тревожная весть

Хан Менгу-Тимур не терял времени даром. Он разослал своих послов в Литву, Швецию, Данию и Ливонский орден крестоносцев. Грамот с послами не посылал: уж слишком далёк путь из Сарай-Берке до западных стран. Надо ехать через всю Русь, и если одна грамота попадет какому-нибудь русскому князю, то все его старания окажутся под угрозой срыва. Послы должны передать его повеления на словах: «Вы много лет враждуете с Русью и давно грезите овладеть её северо-западными землями. Ваши устремления могут успешно претвориться. Русь хоть и покорена татарами, но Псков, Новгород, Торжок, Полоцк и другие города пытаются выйти из власти Золотой Орды. Накажите эти мятежные города, треть ясыря⁴⁶ и добычи отдайте моим баскакам. Хан Менгу-Тимур не будет мешать вашему вторжению. А если вы не воспользуетесь благоприятным моментом, то 600 тысяч татарских воинов хлынут на Европу и не только повторят путь великого джихангира Батыя, но и завоюют всю вселенную».

Для вящей убедительности всем послам были вручены золотая ханская пайцза и специальная печать, о которых знали все западные короли, князья и магистры.

---

⁴⁶ *Ясырь* – невольники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.